

О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кievской академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году ¹⁾.

Піитика и реторика въ старой кievской академіи не такъ строго были отдѣлены одна отъ другой, какъ обыкновенно предполагають это. Пунктомъ соприкосновенія между ними были реторическіе отрывки, помѣщавшіеся въ академическихъ учебникахъ послѣ піитики и служившіе съ одной стороны пособіемъ для самой піитики, а съ другой—приготовленіемъ къ реторикѣ.

Прежде всего реторическіе отрывки эти, помѣщавшіеся въ піитикѣ, обязаны происхожденіемъ своимъ тому понятію о піитикѣ и тому положенію ея среди другихъ наукъ, какое занимала она въ средніе вѣка. Въ средніе вѣка достоинство всѣхъ наукъ измѣрялось ихъ пользою; во введеніи къ каждой наукѣ непременно помѣщался трактатъ о пользѣ этой науки. А въ отношеніи пользы піитика, по мнѣнію средневѣковыхъ ученыхъ, значительно уступала реторикѣ: стоитъ только сравнить трактаты піитики и реторики о пользѣ этихъ наукъ, чтобы убѣдиться въ этомъ ²⁾. Вслѣдствіе этого піитика, въ восходящемъ порядкѣ наукъ въ средневѣковыхъ училищахъ

¹⁾ См. Труды Акад. 1866 г. Июль, Ноябрь и Декабрь и 1867 г. Январь.

²⁾ *Idea latius, liberior, ducitur, unde Acad. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.* Прокоповича, и др.

отъ низшихъ къ высшимъ, заняла мѣсто ниже реторики и предшествовала ей. Такимъ образомъ, будучи предоставлена только себѣ и лишена помощи реторики, піитика не могла сама научить стихотворному авторству,—для чего нужны извѣстная гибкость ума и владѣніе словомъ и чего не давала сама піитика. «Отсюда многіе,—по выраженію кіевскихъ ученыхъ,—слишкомъ полагаясь на умъ, какъ необузданные кони, *свертнувши узду науки*, обнимаются и увлекаются скорѣе безуміемъ, чѣмъ священнымъ и образованнымъ восторгомъ поэтическимъ» ¹⁾. Поэтому, чтобы регулировать стихотворческія способности, издавна помѣщались при кіевскихъ піитикахъ разныя риторическія правила, содѣйствовавшія стихотворному дѣлу. «Чтобы поэтъ не ошибался,—говоритъ піитика 1720 г.,—и поэтъ не останавливался въ стихосложеніи,—необходимо, чтобы онъ имѣлъ наготовѣ существительныя синонимическія, чтобы не рыться, подобно мальчику, въ словаряхъ и не мѣшать, какъ говорятъ, четвероугольниковъ съ кругами» ²⁾. «Какъ на небѣ звѣзды,—говоритъ піитика 1726 года во введеніи къ трактату о тропахъ и фигурахъ,—въ саду—цвѣты, на пальцѣ—кольцо, на кольцѣ—жемчужины, какъ руки придаютъ слоновой кости украшеніе и цѣну: такъ тропы и фигуры доставляютъ свое украшеніе связной (*ligata*, т. е. поэтической) рѣчи. Посему я сочелъ за полезнѣйшее прежде всего научить имъ новопоэта, чтобы впослѣдствіи съ пользою онъ пѣлъ пріятнѣе» ³⁾. Піитическіе отрывки, писанные учениками піитики въ 1720 г., такъ начинаютъ первую часть свою: «нѣкоторые обыкновенно начинаютъ эту часть

¹⁾ *Idea artis poëseos*, рукоп. кіев. акад. О. 7, ч. 1, кн. 1, гл. 1.

²⁾ *Hortus poëticus*, рукоп. кіево-мх. мон. № 1713, серім. 2, фол. 2, fructus 3.—*Parnassus*,—рукоп. піит. кіево-мх. мон. № 1721, тракт. 1, сар. 1.

³⁾ Рукоп. піит. библ. кіев. акад. J. III, 92. 13, ч. 1, пункт. 2, сл. *Parnassus*, рукоп. кіево-мх. мон. № 1721, тракт. 1, гл. 2 и др.

пѣтики съ самаго расположенія связной (поэтической) рѣчи; однако мы, чтобы наше дѣло принесло болѣе пользы, прежде чѣмъ дойдемъ до расположенія, начнемъ съ изобрѣтенія остроты или понятія, какъ совершенно необходимаго для связной рѣчи» ¹⁾.

Другою причиною появленія въ концѣ пѣтики реторическихъ отрывковъ былъ существовавшій почти во всѣхъ средневѣковыхъ училищахъ обычай—сообщать ученикамъ предварительныя понятія о той наукѣ, къ которой они намѣрены приступить. Въ силу этого обычая ученикамъ пѣтики, приготовлявшимся къ классу реторики, преподавались общія, предварительныя понятія о реторикѣ. «Издревле,—говорить Георгій Конисскій въ концѣ своей пѣтики,—почти по всѣмъ гимназіямъ существуетъ обычай, чтобы кандидаты высшей школы ознакомлены были съ началами той науки, которую намѣрены изучать. Итакъ, подчиняясь обычаю и заботясь о вашей пользѣ, именно, чтобы вы не приступили совершенно неприготовленными къ столь важному дѣлу, я рѣшился преподать предварительное и притомъ кратчайшее наставленіе, и поелику періоды, о которыхъ иные говорятъ сначала, не могутъ составляться безъ распространенія, то посему я сочелъ за нужное—говорить прежде о распространеніи» ²⁾. Этотъ обычай сообщать ученикамъ пѣтики предварительныя реторическія понятія имѣлъ весьма важное значеніе для реторики. Реторика въ старой кievской академіи преподавалась совместно и теоретически и практически, т. е. преподаватели

¹⁾ Poëtica ad eandem pertinentibus in univrsam conscripta, рукоп. кiev.-мх. мон. № 1721, ч. 1.

²⁾ Praecepta de arte poëtica, рукоп. кiev. акад. J. III, 82. 3, кн. III, введеніе. Эти трактаты излагались просто, съ олуценіемъ того, что «примынаеть понятие повичкоръ». См. Idea artis poëseos, Лаврентія Горки, 1707 года, рукоп. кiev. акад. О. 7, част. 2, кн. 1, гл. 2.

реторики не только сообщали ученикамъ реторическія правила, но съ перваго же почти разу давали имъ и упражненія, какъ это можно видѣть изъ множества дошедшихъ до насъ «кодексовъ» ученическихъ упражненій. А такой практической методъ преподаванія реторики, идущій въ параллель съ ея теоріей, на первыхъ порахъ возможенъ былъ только благодаря предварительнымъ реторическимъ понятіямъ, вынесеннымъ учениками изъ класса піитики. Нѣкоторые изъ преподавателей реторики, вѣроятно съ цѣлю—возможно болѣе приготовить учениковъ къ упражненіямъ, повторяли эти общія предварительныя понятія реторическія во введеніи къ реторикѣ. Такъ, въ началѣ нѣкоторыхъ реторическихъ руководствъ мы встрѣчаемъ трактаты о распространеніи и различныхъ родахъ его ¹⁾, о періодахъ и распространеніи словъ ²⁾, и проч. А иные преподаватели реторики, предполагая эти предметы извѣстными ученикамъ, во введеніи къ реторикѣ сообщали имъ о трехъ источникахъ краснорѣчія: о наукѣ, упражненіи и подражаніи, преимущественно же о послѣднихъ двухъ ³⁾. Благодаря этимъ предварительнымъ реторическимъ правиламъ, ученики немедленно по переходѣ въ реторику могли заниматься эзерциціями и обгупаціями. Такимъ образомъ реторическія прибавленія къ піитикѣ, въ связи съ введеніемъ къ самой реторикѣ, служили практическому методу преподаванія реторики.

Въ силу дѣйствія означенныхъ двухъ причинъ, т. е. необходимости реторическихъ правилъ для самой піитики и приготовленія учениковъ ея къ классу реторики, реторическія приложения къ піитикѣ часто имѣли весьма значительный

¹⁾ Рукоп. ретор. библ. киево-мх. мон. № 1720. Proemium.

²⁾ Рукоп. ретор. библ. мѣв. акад. J. III, 89. 10, вторая реторика, praefatio. (См. рукоп. ретор. киево-соф. собор. № 487, част. 1.

³⁾ «Orator», рукоп. ретор. библ. киево-мх. мон. № 1730-й и др.

объемъ, такъ что иногда принимались нѣкоторыми за особія риторическія руководства ¹⁾. Сюда входили трактаты о распространеніи словъ и мыслей, о періодахъ, о хрибъ и часто о письмахъ, изъ коихъ послѣдній трактатъ, какъ увидимъ впоследствии, случайно попалъ въ пѣтику и держался въ ней только въ-силу давняго обычая. Въ началѣ XVIII в. эти риторическія прибавленія въ пѣтибѣ, повидимому, начинаютъ сокращаться въ нѣкоторыхъ пѣтикахъ: ихъ даже вовсе нѣтъ въ концѣ пѣтики Теофана Прокоповича. За то много риторическихъ прибавленій вошло у него въ самую пѣтику. Причиною этого было внесенное Теофаномъ Прокоповичемъ въ кievскую академію понятіе о томъ, что пѣтика не многимъ отличается отъ реторики и почти равна съ нею. Теофанъ Прокоповичъ, приводя слова Цицерона о родствѣ оратора съ поэтомъ, присовокупляетъ: «отсюда открывается, что предметъ поэзіи составляетъ все то, о чемъ можно писать стихи, т. е. всѣ тѣ предметы, которые составляютъ содержаніе и науки ораторской» ²⁾. Вслѣдствіе этого со времени Теофана Прокоповича пѣтика болѣе и болѣе стала терять свой характеръ изолированности въ отношеніи къ реторикѣ, болѣе и болѣе проникалась риторическими правилами и такимъ образомъ мало по малу стала подходить подъ одно общее съ реторикою понятіе литературы. Съ этого собственно времени стали входить въ самую пѣтику трактаты о распространеніи, о тропяхъ и фигурахъ и о разныхъ родахъ упражненій, какъ содѣйствующіе стихотворству; въ концѣ же

¹⁾ Такъ пресвященный Макарій въ своей «Исторіи кievской академіи» несправедливо относитъ къ риторическимъ руководствамъ видѣннѣю имъ въ лаврской бібліотекѣ рукопись, подъ названіемъ «Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus facto praeceptorum delecta tyronibus eloquentiae ab imis fundamentis sensim ad difficiliora et summa justo ordine manuducendis, et caet. См. Истор. кiev. акад. М. Булакова, стр. 149, примѣч.

²⁾ De arte poetica, Теофана Прокоповича. кн. I, гл. 2, стр. 13.

пінтики помѣщались преимущественно трактаты о періодахъ и хриѣ, какъ составляющіе переходъ и приготовленіе къ реторикѣ.

Мы намѣрены разобрать реторическія прибавленія къ пінтикѣ того и другаго рода, т. е. какъ помогающія стихотворному дѣлу, такъ и служащія приготовленіемъ къ реторикѣ и обусловливаемыя практическимъ методомъ ея преподаванія, и притомъ въ связи ихъ съ самою реторикою; потому что съ одной стороны они объясняютъ существовавшій въ кievской академіи методъ преподаванія реторики, съ другой—слѣды ихъ и доселѣ замѣтны на нашей наукѣ реторики: а) У насъ пінтика не предшествуетъ, какъ прежде, реторикѣ, а послѣдуетъ за нею, и потому не нуждается въ особенныхъ реторическихъ прибавленіяхъ и вставкахъ, какъ нуждалась въ нихъ пінтика въ старой кievской академіи; а между тѣмъ, какъ намъ кажется, эти вставки и прибавленія, безъ особенной нужды, по одному преданію, и теперь еще являются иногда въ нашихъ учебникахъ (напр. о распространеніи словъ); б) Практическій методъ преподаванія словесности и доселѣ существуетъ въ нашихъ семинаріяхъ и вызываетъ тѣ же стороннія добавленія и приставки къ реторикѣ, которыя существовали въ ней и прежде—въ кievской академіи, съ тою только значительною разницею, что въ старой кievской академіи онѣ составляли нѣчто отдѣльное отъ самой системы словесности и не нарушали ея стройности и научной строгости, тогда какъ у насъ онѣ часто смѣшиваются съ самою системою, нарушаютъ ее и запутываютъ вопросъ о преподаваніи словесности въ семинаріяхъ.

Реторика, какъ и пінтика, дѣлилась въ старой кievской академіи на общую и частную или прикладную: рассмотримъ ту и другую раздѣльно.

I.

Общая риторика состояла из введенія и самой риторики. Во введеніи рѣшались общіе вопросы о томъ, что такое риторика, о происхожденіи, достоинствахъ, необходимости и пользѣ риторики, о предметѣ и частяхъ ея, о причинѣ риторики, объ обязанностяхъ и цѣли автора, о пособіяхъ къ риторикѣ, и т. п. Сюда же вносились иногда трактаты о распространеніи и періодахъ, о достоинствахъ и недостаткахъ слога, о высшемъ, среднемъ и низшемъ слогѣ, и проч. Самая риторика состояла изъ пяти частей: 1) объ изобрѣтеніи; 2) о расположеніи; 3) о выраженіи; 4) о памяти и 5) о произношеніи. Последнія двѣ части нерѣдко соединялись въ одинъ трактатъ. Такъ какъ они не представляютъ ничего отличнаго отъ подобныхъ трактатовъ въ позднѣйшихъ реторикахъ, то мы опустимъ эти трактаты и скажемъ только объ изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи.

1.

Первая часть общей риторики содержала ученіе о реторическомъ изобрѣтеніи доказательствъ, какъ научающихъ или умственныхъ, такъ и убѣждающихъ ¹⁾.

Изобрѣтеніе доказательствъ научающихъ или умственныхъ есть «вымысленіе причинъ, подтверждающихъ предложеніе» ²⁾. Причины эти бываютъ трехъ родовъ—изъяснительнаго, совѣщательнаго и судебнаго ³⁾; но всѣ онѣ извлекаются изъ общихъ реторическихъ мѣстъ—внутреннихъ и внѣшнихъ, считавшихся «какъ бы сѣдалищами доказательствъ». «Вну-

¹⁾ Orator, рукоп. ретор. библ. киево-мхк. мон., 1688 г. № 1730, т. 1. § 1.

²⁾ Concha, рукоп. ретор. 1698 г. библ. кiev. акад. J. III, 88. 9, ратъ 1, prolog. 4.

³⁾ Ретор. 1729—30 гг. рукоп. кiev. акад. J. III, 89. 10, первая реторика, част. 2, гл. 1.

треними (мѣстами) называются тѣ, которыя учатъ пріиски-
вать и открывать реторическимъ искусствомъ причины, поло-
женія и заключенія въ самомъ предметѣ, т. е. въ подле-
жащемъ или сказуемомъ предложенія, — и такихъ, по Зоарію ¹⁾,
шестнадцать, а именно: опредѣленіе, перечисленіе частей,
значеніе имени, спряженія, родъ, форма, сходство, несходство,
противнос, противорѣчащее, придаточное, предыдущее, по-
слѣдующее, причина, слѣдствіе и сравненіе» ²⁾. «Внѣшними
или отдаленными и чуждыми искусства реторического назы-
ваются тѣ, которыя учатъ брать доводы сторонніе, внѣ пред-
мета или внѣ подлежащаго и сказуемаго» ³⁾. Первоначально
этихъ мѣстъ было шесть, а именно: предубѣжденіе, молва,
допросъ, законъ, присяга и свидѣтели ⁴⁾. Употребленіе всѣхъ
этихъ мѣстъ внутреннихъ и внѣшнихъ въ разныя времена
было различно въ кievской академіи. Изъ внутреннихъ мѣстъ,
по Теофана Прокоповича, имѣло особенное употребленіе объ-
ясненіе имени, при чемъ кievскіе риторы доходили иногда до
мелочнаго и смѣшнаго. Такъ напр. они производили имя
Моисей отъ словъ — *мой* и *сей*, *Марія* — отъ *море*, и т. п. ⁵⁾.
Теофанъ Прокоповичъ обличалъ подобное произвольное тол-
кованіе имени: «не должно, — говорить онъ въ своей рето-
рикѣ, — слово одного языка объяснять по формѣ другаго языка,
хотя бы и было нѣкоторое подобіе. Посему худо нѣкоторые

¹⁾ Эти мѣста подробно раскрыты были еще въ классическомъ мірѣ, осо-
бенно у Цицерона. Если же кievскіе риторы XVIII в. указываютъ только на авто-
ритетъ іезуита Зоарія, то это показываетъ, что они вовсе не знакомы были съ
классическими руководствами по риторикѣ.

²⁾ Concha, рукоп. ретор. 1698 г. библ. кiev. акад. J III, 88, 9, pars 1,
gemma 2, color 1.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Orator, рукоп. ретор. 1688 г. библ. кiev.-мил. мон. № 1730, тл. 1. § 1.

⁵⁾ Concha, рукоп. ретор. 1698 г. библ. кiev. акад. J III, 88, 9, pars 1,
gemma 2, color 4.

толкують, будто ния пресв. Маріи означаєть моря (отъ mare— море), Игнатій—огонь (отъ ignis): такъ можно дѣлать развѣ только чрезъ фигуру аллюзію»¹⁾. Изъ мѣстъ внутреннихъ Теофанъ Прокоповичъ обратилъ особенное вниманіе только на предыдущее, послѣдующее и мѣста придаточныя—quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando²⁾. Лаврентій Горка въ реторическихъ прибавленіяхъ къ своей пиитикѣ также приводитъ не всѣ, а только нѣкоторыя изъ внутреннихъ мѣстъ, а именно: опредѣленіе, перечисленіе частей, толкованіе, придаточныя, слѣдствіе³⁾. Что же касается внѣшнихъ мѣстъ изобрѣтенія доказательствъ, то они, какъ исключительно принадлежащія судебному роду краснорѣчія, «не употребительному, по выраженію кіевскихъ ученыхъ, въ настоящій вѣкъ»⁴⁾, большею частію опускались ими, за исключеніемъ свидѣтельства⁵⁾, и замѣнялись новыми внѣшними мѣстами, получившими развитіе свое въ средніе вѣка. Таковы: «примѣры, эрудиціи, исторіи, достопамятныя изреченія, притчи или аполлоги, пословицы, сентенціи, символы, гіероглифы, эмблемы, обычаи древнихъ», и проч.⁶⁾. Мѣста внутреннія и внѣшнія, особенно въ сокращенномъ видѣ своемъ, дали содержаніе и названіе свое нынѣшнимъ грамматическимъ періодамъ нашимъ и еще раньше—частямъ рчи.

¹⁾ De arte rhetorica, Ф. Прокоповича, рукоп. библ. кiev. акад. J. III, 83. 4, кн. 2, гл. 2, сл. кп. 1, гл. 6. § 7.

²⁾ Тамъ же, кп. 2, гл. 3.

³⁾ Idea artis poëseos 1807 г. рукоп. библ. кiev. акад. O. 7, часть 2, кн. 1. См. Hortus poëticus, рукоп. кiev.-жиз. № 1713. Sepim. 2, fruct. 5.

⁴⁾ Рукоп. ретор. библ. кiev. акад. J. III, 89. 10, первая реторика част. 2, гл. 1.

⁵⁾ Рукоп. ретор. кiev. акад. J. III, 92. 13, кп. 2, гл. 1, член. 2.

⁶⁾ Эти послѣднія мѣста имѣли въ кievской академіи особенную силу и употребленіе. Въ старинныхъ реторическихъ мѣстахъ часто встрѣчаются «символы, сентенціи, эрудиціи и достопамятныя изреченія, служившія «аппаратами» для красоты рчи.

Изобрѣтеніе доказательствъ убѣждающихъ состояло въ распространеніи, которое, впрочемъ, часто опускалось въ кievскихъ реторикахъ и замѣнялось трактатомъ о возбужденіи душевныхъ страстей ¹⁾. Распространеніе было двоякаго рода: распространіе мыслей и распространіе словъ ²⁾. То и другое сначала употреблялось безразлично—и въ реторическихъ прибавленіяхъ къ пѣтикѣ и въ самой реторикѣ, по произволу профессора. Но Теофанъ Прокоповичъ изгналъ изъ реторики отдѣлъ о распространеніи словъ. «Распространеніе,—говоритъ онъ,—не въ томъ состоитъ, какъ бредятъ нѣкоторые, чтобы заключающееся въ немногихъ словахъ раскрыть во многихъ словахъ; ибо, если бы этого достаточно было, то въ большинствѣ случаевъ не говорить, но съ пустою болтливостію пустословить будемъ, хотя и рѣдко распространіе можетъ быть безъ множества словъ... Слова не сами по себѣ необходимы для распространенія, но потому, что предметы безъ словъ не могутъ быть выражены» ³⁾. Лаврентій Горка, какъ будто имѣя въ виду мысль Прокоповича и соглашався съ ней по отношенію къ реторикѣ, хочетъ, однако же, удержать распространеніе словъ въ реторическихъ прибавленіяхъ къ пѣтикѣ, какъ необходимое для новичковъ.

¹⁾ Это замѣненіе одного отдѣла другимъ дѣлалось на основаніи сродства между ними, такъ какъ «распространеніе преимущественно служитъ къ возбужденію,—и кто умѣетъ распространять, тотъ легко возбудитъ слушателя къ гнѣву, ненависти, милосердію, печали», и проч. См. *De arte rhetorica*, О. Прокоповича, рукоп. библ. кiev. акад. J. II, 83. 4, кн. 2, гл. 8, § 3.

²⁾ Впрочемъ между этими двумя родами распространенія не было строгаго различія, потому что иногда одѣи и тѣ же частнцы, служащія распространенію, относятся какъ къ распространенію словъ, такъ и распространенію мыслей. «Когда онѣ берутся распространять только,—говоритъ пѣтика 1696 года,—а не доказательно, тогда относятся къ распространенію словъ; когда же берутся какъ доказательно, такъ и распространительно,—то относятся къ распространенію мыслей». См. рукоп. киево-мнх. мон. № 1719-й.

³⁾ *De arte rhetorica*, рукоп. библ. кiev. акад. J. III, 83. 4, кн. 2, гл. 8.

«Подъ именемъ распространенія,—говоритъ онъ,—я не разумѣю здѣсь того распространенія, которымъ распространяются малые предметы и показываются большими, которое, по Цицерону, возбуждала души, доставляетъ словамъ вѣроятность, и которое не иначе имѣетъ приложеніе, какъ только по отношенію къ большимъ и важнымъ причинамъ,—ибо это еще превышаетъ понятіе новичковъ; но съ Исократомъ я понимаю эту науку такую, при посредствѣ которой изъ малаго бываетъ обширное, изъ сжатаго—растянутое и пространное», и проч. ¹⁾. Но Георгій Конисскій изгоняетъ распространеніе словъ и изъ риторическихъ прибавленій къ пѣтикѣ: «распространеніе не состоитъ только въ томъ,—говоритъ онъ,—чтобы выразить во многихъ словахъ то, о чемъ можно сказать въ немногихъ словахъ; ибо обыкновенно часто бываетъ, что хотя и много словъ, но нѣтъ никакого содержанія» ²⁾.

2.

«Расположеніе, по Цицерону и другимъ риторамъ, есть упорядоченное размѣщеніе изобрѣтенныхъ предметовъ...» «Расположеніе бываетъ двоякаго рода: одно, по которому располагаются и пишутся короткія рѣчи, другое, по которому—длиныя» ³⁾.

Расположеніе краткихъ рѣчей бываетъ «черезъ силлогизмъ, энтимему, эпихерему, сорить, дилемму, индукцію и примѣръ» ⁴⁾, чрезъ повышеніе и пониженіе ⁵⁾, чрезъ положеніе и приложеніе ⁶⁾.

¹⁾ Idea artis poëseos, рукоп. библ. кiev. акад. О. 7, част. 2, кн. 1, гл. 2.

²⁾ Praecepta de arte poëtica, рукоп. библ. кiev. акад. J. III, 82. 3, кн. 3, гл. 2.

³⁾ Classis Tulliana, 1699 г. рукоп. кievо-мах. № 1727, supellex 2.

⁴⁾ Orator, 1688 г. рукоп. ретор. библ. кievо-мах. мон. № 1730, гл. 2 § 2.

⁵⁾ Concha, 1698 г. рукоп. ретор. библ. кiev. акад. J. III, 88. 9, pars 1, «gemma 3, color 2».

⁶⁾ Тамъ же, color 4.—Расположеніе чрезъ повышеніе и пониженіе, чрезъ положеніе и приложеніе соответствуетъ не давно употреблявшимся двумъ родамъ

Расположеніе большихъ рѣчей бываетъ четырьмя способами: а) *Expositio* (отдѣлка, усовершеніе). Она есть объясненіе какой либо мысли или предложенія и состоитъ обыкновенно изъ пяти частей—предложенія, значенія предложенія, подтвержденія этого значенія, украшенія чрезъ подобіе, противное или свидѣтельство, и заключенія ¹⁾; б) *Allegoria*, «когда беремъ какое либо подобіе и его свойства, слѣдствія, придаточныя или обстоятельства, противныя, и проч. и прилагаемъ ихъ къ нашему предмету» ²⁾; в) *Расположеніе чрезъ общія части*, каковы суть: начало, предложеніе, рассказъ, утвержденіе, отрицаніе и заключеніе ³⁾, и г) *чрезъ хрію* ⁴⁾. Такъ какъ хрія до сихъ поръ еще заявляетъ притязанія на господство въ риторикѣ, то скажемъ подробнѣе объ ея происхожденіи и значеніи. Хрія въ классическомъ мірѣ принадлежала къ числу грамматическихъ упражненій, предшествовавшихъ риторикѣ. Квинтиліанъ, сказавши о необходимости для учениковъ чтенія и о переложеніи и перифразѣ басенъ въ простую рѣчь, продолжаетъ: «также у грамматиковъ пишутся сентенціи и хріи и этологіи, съ изложеніемъ смысла сказаннаго, поелику берутъ начало свое изъ чтенія.... Хрій много родовъ передаютъ: одинъ..., заключающійся въ простомъ выраженіи—«онъ сказалъ», или—«онъ обыкновенно говорилъ»; другой—въ отвѣтѣ, напр. «будучи спрошенъ», или—«когда ему сказали это,—отвѣтилъ»; третій—не отличный отъ этого, когда кто не сказалъ, а сдѣлалъ что нибудь. Также полагаютъ хрію въ поступкахъ, какъ напр. «Кратесъ, увидѣвши

хрія превращенной. О нихъ см. «Руководство къ изученію русской словесности», Давскаго, 1843 г. стр. 50.

¹⁾ Тамъ же, color 3.

²⁾ Тамъ же, color 5.

³⁾ Тамъ же, color 6.

⁴⁾ *Classis Tulliana*, ретор. 1699 г. рукоп. киево-мх. мон. № 1727. Supellex 2, прасепт. 3.

невѣжливаго мальчика, ударилъ его наставника» ¹⁾). Такое же почти грамматическое значеніе имѣла хрія и у Аѳеонія Софиста въ его *Progymnasmata* или *Præexercitamenta*. Здѣсь, между 14-ю родами предварительныхъ упражненій, онъ на третьемъ мѣстѣ полагаетъ хрію. «Хрія, по его опредѣленію, есть краткое воспоминаніе или поступка какого либо лица, или удачнаго выраженія, и названа такъ за свою пользу (отъ *χρῆσις*). И одніе изъ хрій называются словесными, другія—дѣтельными, иныя—смѣшанными. Словесныя суть тѣ, которыя выражаютъ замѣчательное изреченіе, дѣтельныя, которыя воспоминаютъ только дѣяніе или поступокъ, и смѣшанныя, которыя воспоминаютъ и поступокъ и изреченіе... Хрія составляется изъ слѣдующихъ частей: похвалы, объясненія, причины, противнаго, подобія, примѣра, свидѣтельства древнихъ и краткаго энклога» ²⁾). Какъ можно замѣтить съ перваго даже разу, эти части хрій суть не что иное, какъ примѣненіе общихъ мѣстъ—внутреннихъ и внѣшнихъ къ реторическому упражненію, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ, не идущихъ къ дѣлу. И какъ эти общія мѣста не всѣ необходимы и обязательны въ каждомъ сочиненіи, такъ не необходимы и части хрін. Хрія есть только школьная экзерциція, паучающая распространенію словъ и мыслей въ дѣломъ сочиненіи, и потому умѣстная развѣ только въ реторическихъ приложеніяхъ къ піитикѣ, имѣвшихъ своею цѣлю—приготовленіе учениковъ къ реторикѣ. Дѣйствительно, въ киевской академіи хрія и полагалась первоначально только въ концѣ піитики, и не показывалась въ реторикѣ, гдѣ части расположенія рѣчей, согласно древнимъ, обозначались въ болѣе общихъ чертахъ ³⁾.

¹⁾ Institut. Orat. Quintil. lib. 1. cap. 9.

²⁾ Progymnasmata, изд. 1636 г., стр. 47 и 48.

³⁾ Эти части были начало, предложеніе, рассказъ, утвержденіе, отрицаніе и заключеніе. См. Сопча, ретор. 1628 г. рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 9, page 1, gem. 3, color 6.

Но скоро хрія обворожила кїевскихъ ученыхъ своею правильностію, отчетливостію и ясностію. «Заслуга ея состоитъ въ томъ, что она ясно представляетъ слова предъ очами ума, и если бываетъ дѣятельною или смѣшанною, то какъ бы полагаетъ ихъ предъ глазами тѣлесными» ¹⁾. Поэтому хрію стали считать «вождемъ и путемъ ко всѣмъ видамъ рѣчей какъ свѣтскихъ, такъ и священнымъ» ²⁾, и вводить ее въ самую реторику, въ которой если и не распространялись о ней подробно, то потому только, что ученики хорошо были знакомы съ нею еще въ пѣтикѣ ³⁾. Между прочимъ, хрія стала прилагаться и къ проповѣдямъ ⁴⁾. Реторика 50 годовъ прошлаго вѣка замѣчаетъ, что «лучшіе проповѣдники и знаменитѣйшіе ораторы въ проповѣдническихъ произведеніяхъ преимущественно употребляютъ порядокъ хріи, Цицероновскаго искусства отдѣлки ораторской» ⁵⁾. А въ приложеніи къ проповѣдничеству хрія должна была измѣнить свой первоначальный характеръ. «Когда излагается проповѣдь чрезъ хрію, — говоритъ пѣтика 1736 года, то похвалу можно иногда опустить и прямо начинать съ самаго изложенія» ⁶⁾. А съ оцущеніемъ похвалы автору, свойственной Афеоніанской хріѣ, положено начало нынѣшнему раздѣленію хріи на простую и Афеоніанскую. Съ другой стороны, съ примѣненіемъ хріи къ

¹⁾ Пѣтик. 1726 г. рукоп. библ. кїев. акад. J. III, 92, 13, част. 2, пункт. 2, § 3.

²⁾ Самоена, 1687 г., рукоп. пѣт. кїево-соф. соб. № 448, de christia.

³⁾ Classis Tulliana, 1699 г. рукоп. кїево-мх. № 1727, supellex 2, praescript. 3.

⁴⁾ Въ пѣтикѣ 1726 г. есть отдѣлъ «о методѣ проповѣдническаго изложенія», гдѣ хрія прилагается къ изложенію проповѣди. Рукоп. кїев. акад. J. III, 92, 13, ч. 2, пункт. 2, § 3.

⁵⁾ Рукоп. кїев. акад. J. III, 89, 10, вторая ретор. lib. 3, synop. 4, cap. 2, notitia.

⁶⁾ Hortus poeticus, 1736 г. рукоп. пѣт. библ. кїево-мх. мон. № 1713. Sepiment. 2, flor. I, fruct. 6.

серьезнымъ рѣчамъ, мало по малу долженъ быть сглаживаться строгій характеръ первоначальной хріи, какъ школьной экзерциціи. Сначала, какъ кажется, кievскіе ораторы и въ серьезныхъ и важныхъ рѣчахъ слѣдовали всѣмъ частямъ школьнаго расположенія рѣчи. Теофанъ Прокоповичъ порицаетъ въ своихъ современникахъ одинъ видъ схоластическаго слога, «когда въ предметахъ важныхъ, какъ напр. въ общественныхъ и религіозныхъ дѣлахъ, ораторъ такъ украшаетъ рѣчь, какъ обыкновенно украшается она въ школьныхъ упражненіяхъ: и все, что преподають риторы, соблюдается съ непріятною щепетильностію. Ибо не всякій предметъ нуждается въ началѣ, не вездѣ имѣетъ мѣсто полное заключеніе, также и другое что либо не всегда употребляется безъ разсужденія. Отсюда совершенство науки состоитъ въ томъ, чтобы не только изучить всѣ правила, но и знать исключенія, безъ пониманія чего очень многіе тогда-то особенно и погрѣшаютъ противъ науки, когда особенно заботятся выполнить ее» ¹⁾. Вслѣдствіе этихъ требованій хріи начала опускать нѣкоторыя части свои, и такимъ образомъ явился новый родъ хріи—не полной, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ частей ея, въ отличіе отъ хріи полной ²⁾.

3.

«Выраженіе есть обработанное и изящное изложеніе чрезъ тропы и фигуры изобрѣтенныхъ и хорошо расположенныхъ предметовъ» ³⁾. Качества выраженія—три: изящество, достоинство и композиція.

¹⁾ De arte rhetorica, рукоп. библ. кiev. акад. J. III, 88. 4, кн. 1, гл. 6, § 1.

²⁾ Были еще способы распространенія большихъ рѣчей—цицеронианскій, иливианскій, способы расположенія проповѣдей, элегій, эпитафій и др. См. рукоп. кiev.-мх. № 1720, ч. 2, гл. 1, гл. 2, отдѣл. 2, член. 2 и 3.

³⁾ Concha, рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 9, page 1, prologium.

Изящество выраженія состоитъ въ томъ, чтобы говорить чисто, красиво, точно или ясно и пристойно. Изъ этихъ свойствъ изящнаго выраженія особенно замѣчательны—точность или ясность и пристойность. *Въ отношеніи точности* или ясности кіевскія реторики иногда требовали, «чтобы говорить на своемъ и привычномъ языкѣ... А свой и привычный языкъ состоитъ въ томъ, чтобы предметы выражались свойственными каждому языку словами, т. е. чистыми латинскими, или польскими, или славянскими, и проч. Не неумѣстно впрочемъ, замѣчаетъ реторика 1699 г.,—въ языкъ польскій могутъ примѣшиваться слова латинскія, по причинѣ нѣкоторой необходимости или приличія, а именно—когда какой либо предметъ не такъ ясно и красиво можетъ быть выраженъ по-польски» ¹⁾. Теофанъ Прокоповичъ говоритъ: «подъ латинскою рѣчью не разумѣй того, будто краснорѣчіе ограничивается предѣлами латинскаго только языка: какой бы языкъ ни употреблялъ ораторъ, онъ долженъ говорить такъ, чтобы слѣдовать чистой, употребительной и отечественной рѣчи этого языка. Ибо какъ Цицеронъ во 2-й книгѣ объ ораторѣ превосходнымъ образомъ рѣчи называетъ латинскій, такъ Аристотель въ книгѣ первой реторики, въ главѣ пятой, называетъ эллинскій или рѣчь греческую. Отсюда открывается, что доля выраженія состоитъ въ той рѣчи, которая свойственна и естественна языку, на которомъ пишется рѣчь». Замѣчая далѣе, что въ каждомъ языкѣ должно слѣдить за смысломъ «отдѣльных словъ, ихъ конструкцію, свойствами языка или отечественнымъ употребленіемъ рѣчи и правильнымъ произношеніемъ», Теофанъ Прокоповичъ продолжаетъ: «что я говорю о латинскомъ, то разумѣй и о всякомъ другомъ языкѣ» ²⁾. *Въ отно-*

¹⁾ Classis Tulliana, 1699 г. рукоп. кіев.-мх. № 1727. Supell. 8, прав.-септ. 1.

²⁾ De arte rhetorica, рукоп. кіев. акад. J. III, 83. 4, кл. 4, га. 1.

высокой пристойности выражения киевскими реториками требовалось приспособление рѣчи къ предметамъ и лицамъ, о которыхъ говорится. «Чтобы ораторъ лучше могъ достигнуть этого, онъ необходимо долженъ смотрѣть,—высокій, средній, или низкій тотъ предметъ, о которомъ нужно говорить. По различію этихъ предметовъ должно разнообразиться выраженіе или стиль, или характеръ рѣчи. Стиль или характеръ рѣчи раздѣляется на: высшій, средній и низшій»¹⁾. Кроме высшаго, низшаго и средняго слога въ существовало еще въ киевской академіи раздѣленіе слога на цвѣтунный, законическій, азіатскій, плиніанскій, сенекіанскій, остроумный²⁾, аллегорическій, ученый, историческій, ораторскій, пророковѣдическій³⁾, удивительный⁴⁾, и проч. Теофанъ Прокоповичъ принимаетъ только три рода слога—высшій, средній и низшій, и трактуетъ о нихъ, помѣщая въ введеніи къ своей реторикѣ, рядомъ съ трактатомъ о недостаткахъ испорченнаго краснорѣчія: о слогѣ надутомъ, подражающемъ дурному, вялому, дѣтскому, неистовому, схоластическому, поэтическому, натянутому или аллегорическому, низкому, грубому, и проч., и о причинахъ испорченнаго краснорѣчія⁵⁾. Такимъ образомъ Теофанъ Прокоповичъ расширяетъ узкое, реторическое понятіе о слогѣ до понятія о языкѣ вообще. Вслѣдъ за Прокоповичемъ и другіе говорили о слогѣ во введеніи къ реторикѣ⁶⁾.

¹⁾ Оратор, 1688 г. рукоп. ретор. библиот. киево-мх. мон. № 1780, гл. 2, § 1.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Coucha, 1698 г. рукоп. библиот. киев. акад. J. III, 88. 9, pars 1, gemm. 4, color 1.

⁴⁾ Classis Tulliana, 1699 г. рукоп. киево-мх. № 1727. Supell. 8, praef. sept. 3.

⁵⁾ De arte rhetorica, рукоп. киев. акад. J. III, 63. 4, км. 1, гл. 5—7.

⁶⁾ Рукоп. библиот. киев. акад. J. III, 83. 10, вторая реторика, praefatio, declarat. 4.—Истатні замѣтити, что Ломоносовъ въ сочиненіи своемъ «о пользѣ и вредѣ церковныхъ» раздѣляетъ слогъ на высокій, средній и низкій,— для высокаго

«Другое свойство выраженія, и притомъ знатнѣйшее, есть достоинство, которое все состоитъ изъ троповъ и фигуръ какъ словъ, такъ и мыслей» ¹⁾. Впрочемъ часто въ этомъ отдѣлѣ реторики о тронахъ и фигурахъ говорилось очень кратко, или даже вовсе не говорилось, вѣроятно потому, что о нихъ говорилось еще въ пѣтикахъ. Въ такомъ случаѣ, въ замѣнѣ троповъ и фигуръ, реторика говорила въ разсчитываемомъ нами отдѣлѣ объ остроуміи и изобрѣтеніи острогъ, о душевныхъ страстяхъ и способѣ возбужденія ихъ ²⁾.

«Третье свойство выраженія—композиція опредѣляется такъ: композиція есть расположеніе частей рѣчи, такъ чтобы частицы, члены, періоды и слова въ нихъ такъ соединялись между собою, чтобы не встрѣчалось ничего шероховатаго, темнаго, беспорядочнаго, монотоннаго, пестраго, что бы возмущало цѣлую рѣчь» ³⁾. Этотъ трактатъ о композиціи, начинался съ общихъ замѣчаній о стройности и благозвучіи въ словѣ, съ примѣненіемъ этихъ свойствъ и къ русскому языку ⁴⁾, оканчиваясь разсмотрѣніемъ періода, который прежде имѣлъ совершенно не такое значеніе, какое имѣетъ теперь. Въ классическихъ языкахъ періодъ былъ высшимъ выраженіемъ строй-

слота считалъ пужинимъ церковный языкъ, для низкаго—русскія слова, неизвѣстныя въ славянскомъ, для средняго—слова, понятныя въ славянскомъ и русскомъ языкахъ.

¹⁾ Orator, 1688 г. рукоп. киево-мх. № 1730, гл. 3, § 1.

²⁾ Concha, ретор. 1698 г. рукоп. киев. акад. J. III, 88. 9, pars I, gemm. 4, color. 4 и 5.

³⁾ Orator, ретор. 1688 г. рукоп. киево-мх. № 1730, гл. 3, § 1.

⁴⁾ «Замѣть здѣсь»,—говоритъ Лаврентій Горка въ своей пѣтичкѣ: «то, что мы сказали объ отдѣльныхъ словахъ и ообщеніи недостатковъ въ размѣщеніи ихъ, относится къ выраженію всякаго языка. А это, что замѣчено тамъ и самъ у Цицерона объ извѣстномъ расположеніи, служить только латинскому языку; въ нашей же отечественной рѣчи долженъ быть соблюдаемъ другой способъ, что однако всякій можетъ замѣтить по собственному наблюденію». См. Idea artis рѣзеевъ, рукоп. киев. акад. Q. 7, част. 2, кн. 2, гл. 6

ности и благозвучія рѣчи. Различныя части его—коммы и колонны такъ располагались между собою, что образовали изъ себя небольшое округленное цѣлое, которое можно было обнять однимъ взглядомъ и которое дѣлилось на равныя, симметрически расположенныя между собою части или члены, соединяемые союзами. Къ довершенію характера періода, какъ украшенія рѣчи,—онъ требовалъ словъ звучныхъ, валныхъ и изящныхъ и въ извѣстной мѣрѣ принималъ въ себя даже метръ. Цицеронъ совѣтуетъ въ началѣ періода употреблять стопы—кретикъ или дактиль, пеоны, дохмъ, молоссъ, анапестъ и др., въ срединѣ преимущественно пеоны, въ концѣ—преимущественно дихорей. Въ такомъ видѣ отдѣлъ о періодахъ перешелъ и въ кіевскія руководства по словеснымъ наукамъ и помѣщался въ риторическихъ прибавленіяхъ къ піитикѣ и отчасти въ риторикѣ, въ трактатѣ о выраженіи, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ обращенія вниманія кіевскихъ ученыхъ на отечественный языкъ, характеръ классическаго періода, какъ украшенія рѣчи, обуславливаемый гармоничностью классическихъ языковъ, сталъ постепенно сглаживаться и примѣняться къ свойствамъ славянскаго языка. Съ XVIII в. въ кіевскихъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ съ особенною подробностію стали излагаться главы «о частицахъ, соединяющихъ членъ съ членомъ» ¹⁾, чего не встрѣчаемъ въ старинныхъ руководствахъ кіевскихъ. Соединительныя частицы или союзы въ XVIII в. или просто перечислялись безъ всякой классификаціи ²⁾, или же классифицировались по количеству членовъ періода. Такъ напр. у Лаврентія Горди перечисляются частицы двухчленнаго, трехчленнаго,

¹⁾ *Idea artis poëseos*, 1707 г. рукоп. кiev. акад. О. 7, ч. 2, кн. 3, гл. 2.

²⁾ *Parnassus*, піитика 1720 г., рукоп. киево-мх. мон. № 1721, тракт. 2, част. 2, гл. 1. См. *Hortus poëticus*, рукоп. киево-мх. мон. № 1713. Sepim. 2, flos 1, fruct. 4.

четырёхчленного періодовъ ¹⁾. А въ пѣтичѣ Георгія Конисскаго встрѣчается классификація ихъ по соединительнымъ частицамъ, представляющая изъ себя зародыши классификаціи теперешнихъ нашихъ періодовъ. Георгій Конисскій раздѣляетъ соединительныя частицы на девять классовъ; а именно на частицы, «заключающія причину или условіе, служащія сравненію, дѣлающія степень къ усиленію или уменьшенію предметовъ, служащія сомнѣнію, желанію, относительныя, исправляющія или устраняющія препятствія, отрицательныя, изъ коихъ одна отрицаетъ, а другая утверждаетъ, и означающія время или мѣсто» ²⁾. Принявши такимъ образомъ грамматическое значеніе, періоды уже не стали относиться къ выраженію и украшенію рѣчи, а помѣщались уже во введеніи къ реторикѣ ³⁾.

II.

Частная или прикладная реторика не имѣла такихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ видовъ, какъ прикладная пѣтика, и въ разное время имѣла различное число ихъ. Въ самыхъ древнихъ реторическихъ руководствахъ кievской академіи говорилось только о такъ называемыхъ эпидиктическихъ рѣчахъ, содержавшихъ въ себѣ похвалу или порицаніе лицъ ⁴⁾, преимущественно же похвалу. Причиною этого исключительнаго обращенія вниманія на эпидиктическія рѣчи было, по выраженію Теофана Прокоповича, «укоренившееся въ ея

¹⁾ *Idea artis poëseos*, рукоп. кiev. акад. О. 7, част. 2, кн. 8, гл. 2.

²⁾ *Præcepta de arte poëtica*, рукоп. кiev. акад. J. III, 82. 3, кн. 8, гл. 2, член 5. См. *De arte rhetorica*, Прокоповича, кн. 4, гл. 6. Названія нѣкоторыхъ періодовъ соответствуютъ названіямъ нѣкоторыхъ общихъ реторическихъ мѣстъ внутреннихъ и вѣншихъ, отъ которыхъ, вѣроятно, и получили свое начало.

³⁾ Рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 10, вторая ретор. *praenotatio, declaratio* 7.

⁴⁾ *Concha*, ретор. 1698 г. рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 9, част. 2. См. *Orator*, ретор. 1687 г., рукоп. кiev.-мх. мон. № 1730, гл. 3, § 2.

время заблужденіе многихъ, которые все свое краснорѣчіе и всѣ труды свои въ изученіи его назначаютъ не для иного употребленія, какъ только для того, чтобы прилично поздравлять пріятелей, говорить за покаями благожелательныя рѣчи друзьямъ и торжественнымъ образомъ встрѣчать извѣстные годовые праздники...». «Не исключая этого и другаго въ этомъ родѣ изъ круга науки ораторской»,—Оеофанъ Прокоповичъ далъ энциклитическимъ рѣчамъ только небольшое мѣсто въ своей реторикѣ: «есть гораздо большее и важнѣйшее, говорилъ онъ,—о чемъ пушно трактовать» въ реторикѣ.

1) «Итакъ,—продолжаетъ Оеофанъ Прокоповичъ о пользѣ реторики,—во-первыхъ, когда столько и такихъ гражданъ нашихъ и князей хорошо и мудро управляютъ республикою, когда храбро ведутъ войны; то восхваленіе ихъ доставляетъ намъ обширную матерію, дабы и доблесть ихъ не оставалась въ неизвѣстности, и другіе люди примѣромъ ихъ побуждались къ подобнымъ дѣяніямъ».

2) «Потомъ, если въ нашъ вѣкъ болѣе, чѣмъ въ какое либо другое время, случаются войны; то какъ бы умѣстна была для государства услуга, если бы и военачальники и не малое число войновъ вооружены были оружіемъ краснорѣчія?! Они умѣли бы прилично рѣчью побудить другихъ къ тщательному выполненію дѣла».

3) «Когда же солдаты вслѣдствіе ли обиды, или по распущенности своей, будутъ затѣвать нововведенія и готовиться къ вомущенію,—что легко можетъ случиться съ нашимъ грубымъ въ умственномъ отношеніи народомъ; то не болѣе ли всего, спрашиваю я, нужно желать того, чтобы этотъ пламень потушенъ былъ какою либо безкровною побѣдою, чѣмъ пролитіемъ крови?! Если оружіемъ не такъ легко противиться волненію, то какія другія силы нужны здѣсь, какъ не силы краснорѣчія?!»

4) А въ писаніи писемъ не открывается ли намъ обширное поприще, особенно когда нужно писать не о частномъ дѣлѣ, но о важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ? Нѣтъ рода рѣчи, который бы не приводилось передавать черезъ письмо: черезъ письмо нужно просить совѣтовъ и подавать ихъ, избавлять отъ ненависти добрыхъ, избавлять невинныхъ отъ клеветы, обвинять безчестныхъ и преступныхъ, поздравлять съ побѣдами, сноситься съ союзниками объ общественныхъ дѣлахъ, испрашивать помощь стороннихъ государей, и проч. т. п.*.

5) «И поелику наша имперія такъ велика и обширна, что ей нужно посылать посольства почти ко всѣмъ народамъ; что,—спрашиваю я,—въ этомъ дѣлѣ можетъ быть важнѣе всего, какъ не то, если будутъ при этомъ muži краснорѣчивѣйшіе, на которыхъ бы безопасно можно было положиться, которые бы приобрѣли уваженіе друзей отечества, сумѣли бы поддержать величіе государства передъ врагами, и которые бы такъ вели порученныя имъ дѣла, чтобы или не оставалось ничего неоконченнымъ, или чтобы другіе не принуждены были со стыдомъ передѣлывать ихъ дѣла?»

6) «Наконецъ, не просить ли у краснорѣчія помощи забытое наше отечество, когда столько славныхъ дѣяній его совершенно забыты? Едва-что передано памяти потомства изъ того, что оно совершило до сихъ поръ: всѣ же другія славныя дѣянія его преданы забвенію. И это потому, что не было письменности, не было такого человѣка, который бы занесъ это въ историческіе памятники. Поэтому, съ какою скорбію мы жалуемся на то, что не дошли до насъ примѣры предковъ, столько же намъ нужно стараться о томъ, чтобы хоть современныя дѣянія не оставались, по нашему нерадѣнію и невѣжеству, въ темнотѣ и неизвѣстности».

7) «Съ другой стороны церковь имѣетъ полное право требовать себѣ помощи отъ людей краснорѣчивыхъ. Хотя

она может оставаться твердою безъ всякой помощи человѣческихъ силъ и никогда всецѣло не можетъ упасть; однако, поелику въ частяхъ своихъ нерѣдко терпитъ большія поврежденія, то посему неотступно требуетъ помощи и отъ людей: и во-первыхъ для того, чтобы обуздать дерзость еретиковъ,— она нуждается въ краснорѣчивой мудрости».

8) «Нужно также возвѣщать хвалу Господу Иисусу Христу. И хотя для нея не довлѣетъ никакое витійство, однако, какова бы она ни была, но если не часто повторяется,—то для притупленныхъ и испорченныхъ грѣхомъ умовъ человѣческихъ или кажется малою, или остается совершенно неизвѣстною. Также нужно показывать народу добродѣтели св. людей и пресв. Богоматери, или для подражанія, или для благоговѣйнаго почитанія».

9) «Не можетъ не имѣть здѣсь мѣста и письменное краснорѣчіе; ибо, во-первыхъ, должно описывать житія святѣйшихъ людей, особенно тѣхъ, которыхъ произвела Россія, чтобы узнали наконецъ пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями, враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали наконецъ укорять насъ скудостію святыни. Также нужно записывать и другія исторіи о церковныхъ дѣлахъ и передавать потомству то, что удѣляло въ нашей памяти о прежнихъ бѣдствіяхъ церкви».

10) «А какая настоятельность и необходимость для первосвященниковъ и другихъ священниковъ, чтобы они хорошо наставляли въ таинствахъ вѣры порученный имъ народъ, чтобы обличали порочныхъ и обращали ихъ къ покаянію? А какимъ образомъ они исполнять этотъ долгъ свой, если сами будутъ безгласными и младенцами?! Нельзя и выразить, сколько опасности причиняютъ своему, какое преткновеніе чужому спасенію дѣлаютъ тѣ, которые достигаютъ свя-

щенства, не будучи наставлены въ этой наукѣ. Эту провинцію именно считаютъ не иначе, какъ промышленною, назначенною для плотской выгоды и гнуснѣйшаго прибытка. Какая слѣпота, о безсмертный Боже! Какой мракъ обуялъ умы этихъ людей!» ¹⁾.

Сообразно сейчасъ приведенной нами тирадѣ Теофана Прокоповича о пользѣ реторики для Россіи, онъ помѣщаетъ въ прикладной своей реторикѣ отдѣлы: о рѣчахъ эпидиктическихъ, о церковномъ краснорѣчіи, о письмахъ (отдѣлъ, относимый прежде къ піитикѣ), о способѣ писанія исторіи и судебномъ родѣ краснорѣчія. Такъ какъ у Теофана Прокоповича прикладная реторика полнѣе другихъ кievскихъ реторикъ, и въ нее входятъ такіе отдѣлы, какіе только встрѣчаемъ у него одного; то для полноты обозрѣнія прикладной реторики мы будемъ разбирать ее по рубрикамъ, выставленнымъ у Теофана Прокоповича, при чемъ, какъ само собою разумѣется, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ мы должны будемъ ограничиться изложеніемъ взглядовъ почти исключительно одного только Теофана Прокоповича, безъ историческаго очерка этихъ отдѣловъ.

1.

Эпидиктическія рѣчи въ кievскихъ реторикахъ относились къ изяснительному (*ἐπιδεικνύμε*—показываю, изясняю) роду краснорѣчія, заключавшему въ себѣ похвалы или порицанія; но у кievскихъ ученыхъ эти рѣчи заключали въ себѣ однѣ только похвалы. Причиной этого было съ одной стороны подражаніе западнымъ руководствамъ, особенно же польскимъ, гдѣ главную роль играли панегирики ²⁾, съ другой—желаніе

¹⁾ De arte rhetorica, Т. Прокоповича, рукоп. библ. кiev. акад. J. III, 83, 4, кн. 1, гл. 2.

²⁾ «Представители кievской учености въ XVII в.», Печарскаго, въ Отеч. Записк. за 1862 годъ.

киевских ученых возвеличить свое презираемое от поляков отечество. Поляки укоряли русских въ невѣжествѣ и навывали ихъ «неуками», не имѣющими въ своей исторіи ни замѣательныхъ мужей, ни отечественной святыни. Естественно, поэтому, что русскіе, заимствовавъ у запада схоластическую науку, прежде всего употребляли ее для того, чтобы съ одной стороны приобрѣсть внѣшній лоскъ образованнаго человѣка, отъ котораго требовались навѣстнаго рода условныя приличія и вѣжливости, съ другой—чтобы выставить съ своей стороны въ яркомъ свѣтѣ мужей мудрыхъ, ученыхъ и знаменитыхъ, которыхъ не хотѣли замѣчать поляки ¹⁾. А той и другой цѣли и служилъ энциклитическій или изъяснительный родъ краснорѣчія, заключавшій въ себѣ похвалы или порицанія, и примѣнявшійся какъ къ панегирикамъ, такъ и къ рѣчамъ на торжественные случаи человеческой жизни, требующіе особыхъ обрядовъ, церемоній и приличій. Поэтому энциклитическій родъ краснорѣчія прежде всего вошелъ въ киевскую реторику и долго удерживалъ здѣсь исключительное господство надъ всѣми другими родами краснорѣчія ²⁾.

Разсматривая энциклитическія рѣчи и правила ихъ составленія, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ онѣ имѣютъ бытовое значеніе. Таковы поздравительныя рѣчи на праздники, дни рожденія, именины, на почести, побѣды, рѣчи на родинѣхъ, брачныя, привѣтственныя, похоронныя, благодарственныя, застольныя, дарственныя, и проч. ³⁾. А привѣтствія и

¹⁾ На эту цѣль намахаетъ Теофанъ Прокоповичъ, когда считаетъ нужнымъ восхвалять знаменитыхъ гражданъ и начальниковъ отечества, а также описывать житія святѣйшихъ мужей, «чтобы узнали насѣпецъ пустыиніе, благоговѣюще только передъ своими баснями враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра». Ретор. Прокоп. кн. 1, гл. 2, § 9.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Сочина, 1698 г. рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 2, ч. 2, въ началѣ.

причитанія на многіе изъ этихъ случаевъ человѣческой жизни существовали и существуютъ и въ нашемъ простомъ народѣ и нерѣдко проникнуты бываютъ нѣкотораго рода лестію къ виновнику торжества или печали. Такихъ образомъ энидиктическія рѣчи, перешедши къ намъ изъ Польши и западной Европы, нашли здѣсь готовую для себя почву въ русскихъ обычаяхъ и обрядахъ, утончая ихъ схоластическимъ образомъ и дополняя новыми обычаями и обрядами. Говоря о рѣчахъ энидиктическихъ, кіевскіе ученые весьма часто ссылаются при этомъ на отечественный обычай и замѣчаютъ, что такой-то родъ поздравленій «имѣетъ большое употребленіе въ нашемъ отечествѣ», что «въ нашемъ отечествѣ.... весьма часто бываетъ обыкновеніе какъ поздравлять друзей съ прибытіемъ или напутствовать благожеланіями уѣзжающихъ, такъ и поздравлять съ полученіемъ почести и при случаѣ, особенно въ пирушкахъ магнатовъ, говорить заздравныя привѣтствія» ¹⁾; при этомъ они говорятъ «особенно о тѣхъ рѣчахъ, которыя чаще употребляются въ нашемъ отечествѣ» ²⁾. Но опираясь на отечественный обычай, кіевскіе ученые иногда говорили и о такихъ рѣчахъ, употребленіе которыхъ въ отечествѣ не было имъ извѣстно доподлинно ³⁾, или которыя положительно, кромѣ

¹⁾ Тамъ же, ч. 2, гетт. 1, color 7, гетт. 2 и 3, color 1. Сн. рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 10, вторая ретор. част. 8. Синописисъ 3, гл. 11 и др.

²⁾ Тамъ же, част. 2, предисловіе. Сюда же можно отнести поздравленія на праздникъ Рождества Христова и новый годъ, опиравшіеся на древнее русское колядованіе въ эти дни.

³⁾ «Подъ именемъ эпиталамическихъ рѣчей разумѣются рѣчи брачныя, которыя, по обычаю настоящаго вѣка, бываютъ различны; ибо одними или самъ женихъ или сваты просятъ у родителей или опекуновъ невесту, съ другими дарится жениху или невестѣ букетъ и дѣлаются другіе подарки, третьи, съ которыми невеста отдается жениху, иныя, которыми благодарятъ какъ за невесту, такъ и за честное воспитаніе ея и за поднесенные подарки, иныя, которыми обыкновенно поздравляютъ съ заключеніемъ брачнаго союза... Поелюку же и въ нашемъ отечествѣ, если не ошиблюсь, имѣетъ силу употребленіе этого рода

школы, нигдѣ не употреблялись въ отечествѣ, каковы напр. всѣ школьныя рѣчи, рѣчи предшествовавшія диспутамъ и т. п. Всѣ эти рѣчи, какъ опиравшіяся на отечественномъ обычаѣ, такъ и вводимыя вновь, рассчитывали на утонченіе русскихъ нравовъ и обычаевъ. Въ этомъ отношеніи стоить вниманія замѣтки кіевскихъ ученыхъ касательно вѣжливости и политиканства. Реторика 1698 г. совѣтуетъ подносящему свадебные подарки только кратко и при томъ остроумно упомянуть о подаркѣ, «дабы не показалось, что подносящій подарокъ желаетъ, чтобы подарокъ былъ оцѣненъ высоко, въ чемъ погрѣшаетъ и ораторъ противъ вѣжливости» ¹⁾. Теофанъ Прокоповичъ, осмѣивая застольныя рѣчи, въ которыхъ съ мелочною подробностію говорилось даже о покарѣ и напѣтѣ, называетъ ихъ протухлыми, совершенно невѣжливыми и музипкими, и потому совѣтуетъ ничего такого не допускать въ застольной рѣчи ²⁾.

Главнымъ мотивомъ утонченности формъ приличія и вѣжливости служило панегирическое направленіе этихъ рѣчей. Оно имѣетъ основаніе и въ простонародныхъ житейскихъ приличіяхъ, но у кіевскихъ ученыхъ доведено было до послѣдней крайности. Они не щадили при этомъ самыхъ пышныхъ цвѣтовъ краснорѣчія, не отступали ни передъ какими сравненіями, хотя бы приходилось сравнивать восхваляемаго героя съ самымъ Богомъ. Мы уже показывали крайности этого панегирическаго направленія, когда говорили о лирической поэзіи. Теперь скажемъ только, что главнымъ средствомъ панегиризма было распространеніе. «Какъ во всякой другой,

рѣчей, то о каждой изъ нихъ сообщимъ особія замѣчанія» Тамъ же, pars 2, germ. 3, praefatio.

¹⁾ Тамъ же, ч. 2, germ 3, предисловіе

²⁾ De arte rhetorica, Теоф. Прокоповича, русск. библиогр. изд. влад. J. III, 83. 4, кн. 8, гл. 7, § 8

такъ и особенно въ эпидиктической рѣчи есть мѣсто распространеніямъ, и въ нихъ, кажется, заключается вся сила похвалы; ибо по большей части случается, что не требуется никакого искусства для изобрѣтенія аргументовъ, служащихъ чьей либо похвалѣ, какъ напр. когда желаешь прославить побѣдителя, то одна матерія и аргументъ представляется,— это побѣда, которую тебѣ не нужно изобрѣтать размышленіемъ, поелику она для всѣхъ очевидна. Итакъ что же? Нужно только изобрѣтать аргументы распространяющіе, которыми нужно показать, что побѣда была великая, требовавшая большой храбрости и военной опытности»¹⁾.

Въ эпидиктической рѣчи прежде всего высказывались радость или печаль касательно того случая, по которому говорилась рѣчь, смотря по тому, радостный ли былъ этотъ случай или печальный; потомъ высказывались причины этого торжества или печали, лежавшія въ дѣйствительной или вымышленной знаменитости привѣтствуемаго лица. Эта знаменитость доказывалась и распространялась значеніемъ имени восхваляемаго лица, обстоятельствами времени, мѣста, лица и проч., разсматриваніемъ доблестей его, герба, эрудиціями и обычаями древнихъ,—для чего въ кіевскихъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ помѣщались длинные списки различныхъ эрудицій, сентенцій, обыкновеній древнихъ. Ими безъ жалости наполнялись всѣ эпидиктическія рѣчи, исключая брачныхъ, касательно которыхъ предписывалось «остерегаться отъ употребленія латинскихъ сентенцій. Ораторъ тяжко погрѣшитъ противъ благоразумія, если испестритъ славянскую или польскую рѣчь латинскими текстами»²⁾. Большое мѣсто имѣли въ эпидиктическихъ рѣчахъ предсказанія о счастьи привѣт-

¹⁾ Тамъ же, кн. 8, гл. 1, § 2.

²⁾ Соцка, ретор. 1698 г. рукоп. кiev. акад. J. III, 88. 9, pars 2, gemma 3, § 2.

ствуемаго лица, зачислованныя изъ различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ торжество.—Поздравляемый долженъ былъ отвѣчать на привѣтственную рѣчь, и въ отвѣтъ своемъ «благодарить и изъяснить взаимную радость о здоровьи поздравляющаго, умножить приписанныя похвалы и увеличить похвалы поздравляющему, пожелать ему всякаго благополучія, и проч.». Вообще отвѣтственная рѣчь должна быть приспособлена къ рѣчи поздравляющаго.

Въ примѣръ эпидидитической рѣчи приведемъ рѣчь при поднесеніи женихомъ вѣнка невѣстѣ. Въ этой рѣчи, по правиламъ кievскихъ реторикъ, «1) выражается неуывадаемая любовь жениха къ невѣстѣ; 2) перечисляются хорошія качества невѣсты, за которыя она удостоилась быть коронованною отъ жениха; 3) бывають счастливыя предсказанія о всегда цвѣтущей славѣ и счастіи въ этомъ домѣ; 4) наконецъ бываетъ просьба, чтобы невѣста приняла этотъ залогъ дружбы съ пріятнымъ расположеніемъ духа и питала постоянно свѣжую любовь къ жениху. Такія рѣчи можно составлять, если обратить вниманіе: 1) на свойства и качества вѣнка, напр. на свѣжесть, красный цвѣтъ, употребленіе и проч., также на виды цвѣтовъ, напр. розу, розмаринъ и другіе цвѣты, изъ которыхъ сплетенъ вѣнокъ; также на свойства и качества цвѣтовъ, и изъ свойства или качества, изъ одного или многихъ, сдѣлай общее положеніе, потомъ примѣненіе къ твоему предмету, показавъ намѣреніе жениха, устроившаго этотъ вѣнокъ для означенія постоянной дружбы; 2) если обратимъ вниманіе на время, въ которое сдѣланъ вѣнокъ или въ которое играется свадьба,—и такимъ образомъ, если онъ сдѣланъ въ весеннее время, то обѣщай, что въ этомъ дому будетъ процвѣтать всякое удовольствіе и счастіе; если въ осеннее время, то обѣщай, что во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ будетъ успѣхъ и зрѣлый плодъ, и проч. Тоже обѣщай, если будетъ

лѣтнее время; если же будетъ зимнее, то скажи, что женихъ во время холодной зимы устроитъ зеленый вѣнокъ въ знакъ истинной дружбы, которой не могутъ поколебать никакія невзгоды несчастья, и проч.—Отвѣчающій отъ лица невѣсты долженъ: 1) выразить удовольствіе, съ какими невѣста приняла подарокъ отъ своего жениха, и кратко отвѣтить на то, что сказано было подарившимъ вѣнокъ...; 2) выведи предсказаніе изъ окказіи зеленѣющихъ цвѣтовъ и изъ самаго кругообразнаго вѣнка, который считался у древнихъ символомъ вѣчности; 3) бывають привѣтствія со стороны самого оратора, желающаго обрученнымъ всякаго благополучія, что онъ можетъ разукрасить нѣкоторой эрудиціей; 4) наконецъ дѣлается благодарность за предложеніе знака любви, и просьба, чтобы женихъ питалъ къ невѣстѣ, какъ уже и началъ это,—никогда не ослабѣвающую любовь»¹⁾.

Во всѣхъ кievскихъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ эти правила составленія эпидиктическихъ рѣчей всегда оставались неизмѣнными. Но въ началѣ XVIII в. изъ нихъ выдѣлились особаго рода краткія рѣчи, получившія впослѣдствіи церковное употребленіе. Уже въ руководствахъ XVII вѣка къ эпидиктическимъ рѣчамъ относились: рѣчь священника, которою онъ благословляетъ новобрачныхъ, и рѣчь погребальная, имѣвшая священныи характеръ²⁾. Но въ началѣ XVIII в. такой же характеръ могли имѣть и дѣйствительно имѣли почти всѣ эпидиктическія рѣчи. «Эти рѣчи,—по правиламъ кievскихъ реторикъ,—нерѣдко бывають большія и длинныя, особенно когда говорятъ отъ имени многихъ, отъ имени цѣлаго общества или государства»³⁾. А въ XVIII в.

¹⁾ Тамъ же, pars 2, gemma 3, color 1.

²⁾ Въ реторицѣ 1688 г., о погребальной рѣчи говорится уже въ гомилетикѣ. См. Огасог, рукоп. кiev.-акк. мск. № 1780, соголлатиш, қилес. 12.

³⁾ De arte rhetorica, Ф. Прокоповича, рукоп. кiev. акад. J. III, 83. 4, кн. 8, въ началѣ.

киевские ученые, переходя въ Великороссію и будучи здѣсь свидѣтелями великихъ дѣлъ Петровыхъ, не опускали ни одного торжественнаго случая, чтобы не привѣтствовать его какою либо эпидиктическою рѣчью. Оттого эпидиктическія рѣчи приняли здѣсь общественный и государственный характеръ, стали солиднѣе и нерѣдко произносились въ церковныхъ собраніяхъ. Эти рѣчи длиннѣе обыкновенныхъ свѣтскихъ эпидиктическихъ рѣчей, но короче проповѣдей. Въ нихъ живѣй, чѣмъ въ обыкновенныхъ проповѣдяхъ, изображается современность, такъ что все церковное проповѣдничество XVIII в., такъ живо относившееся къ современнымъ ему событіямъ, принадлежитъ именно къ этому роду эпидиктическихъ рѣчей. Таковы напр. рѣчи Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича на различныхъ побѣды и воспоминанія ихъ, на новый годъ, на прибытіе государя и тому подобные торжественные случаи. Въ этихъ рѣчахъ, особенно принадлежащихъ Стефану Яворскому ¹⁾,—тѣ же самыя приемы, какіе мы видѣли въ простыхъ эпидиктическихъ рѣчахъ, тѣ же толкованія имени и герба и тѣ же прореченія. Стефанъ Яворскій здѣсь хвалитъ Россію изъ значенія имени ея и императора ея Петра Великаго, изъ ея происхожденія, производа Москву отъ Авета чрезъ Мосоха,

¹⁾ Въ библиотекѣ кiev. дух. академіи есть рукописныя «поученія и слова похвальныйя въ похвалу государю императору Петру Великому и вѣрнымъ отечества сыномъ российскимъ проповѣданія пресвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ разавскимъ и муromскимъ и святѣйшаго правительствующаго Синода президентомъ въ разныхъ годѣхъ», въ спискѣ второй половины XVIII в. Всѣхъ поученій и словъ здѣсь 14. Изъ нихъ нѣкоторыя изданы, большая часть описаны въ Твореніяхъ св. отца за 1863 г. Но кромѣ нихъ въ академической рукописи есть два слова, коселѣ неизвѣстны въ духовной литературѣ. Это: 1) «слово благодарственное о взятіи Слюдобурга», т. е. на воспоминаніе шведскаго взятія Слюдобурга, 1708 г., безъ означенія года, 2) «слово благодарственное на торжественныя вѣкторіи полтавскія, мѣта 1716, іюня 27 въ С.-Петербургѣ», оба—грустнаго характера. См. рукоп. кiev. акад.

отъ Владиміра и римскихъ кесарей ¹⁾, изъ толкованія російскаго герба ²⁾, а въ словахъ на новый годъ почти постоянно предсказываетъ Россіи счастливую участь ³⁾.

Такимъ образомъ въ XVIII в. эпидиктическія рѣчи раздвоились, и однѣ изъ нихъ удержали прежній бытовой характеръ, другія же близко подошли къ проповѣдямъ и мало по малу приняли ихъ священный характеръ. Оттого въ позднѣйшихъ реторическихъ руководствахъ кіевской академіи въ отдѣлѣ объ эпидиктическихъ рѣчахъ замѣчается какая-то двойственность. Реторика 1729—30 г., говоря о поздравительныхъ рѣчахъ на праздники, тутъ же дѣлаетъ замѣчанія и о составленіи проповѣдей на эти дни ⁴⁾.

2.

Письма имѣли значительное употребленіе еще въ классическомъ мірѣ. Такъ, изъ древнихъ прославились писаніемъ писемъ Овидій, Цицеронъ, Плиній и др. Но особенное развитіе получили письма въ Польшѣ. «Я довольно подробно излагаю это ученіе о письмахъ,—говоритъ составитель львовской пѣтики 1693 г.,—поелику не безызвѣстно мнѣ, что у польскаго генія оно находится въ особенномъ употребленіи сравнительно съ другими художествами поэзіи» ⁵⁾. Эта пѣтика приводитъ примѣры писемъ о. Балбина и Зоарія, о. Радера, Сарбѣвскаго, іезуита де-Ляцерды и др.—А вслѣдъ за польскими писателями и наши кіевскіе ученые обращали

¹⁾ Тамъ же, т. 79 и 81, л. 77.

²⁾ Тамъ же, л. 4.

³⁾ Тамъ же, л. 50, 51 и 66.

⁴⁾ Рукон. кіев. акад. J. III, 89. 10, первая реторика, т. 2, гл. 3, член 1, § 161, гл. 3, сое. Нагип — Далѣ слѣдовало бы говорить о духовномъ или священномъ родѣ краснорѣчія; но о немъ см. въ Трудахъ кіев. д. акад. 1866 г., кн. I, стол. «изъ истории гомилетики въ старой кіев. академіи».

⁵⁾ Leo Rohodan, рукон. киево-выхъ мѣст. № 1719.

особенное вниманіе на письма. «Ничто почти,—говоритъ кievская пiнтіка 1687 года,—такъ не занимаетъ души смертныхъ, особенно въ этотъ вѣкъ, какъ письмо, хотя оно постоянно было и находится въ употребленіи. Тотъ особенно и почитается за ученаго, кто хорошо умѣетъ написать письмо» ¹⁾).

Какъ въ классическомъ мірѣ, такъ и въ Польшѣ письма иногда писались стихами. Изъ древнихъ Овидій писалъ стихотворныя письма, изъ позднѣйшихъ—Бидерманнъ и др. На основаніи этихъ случайныхъ образцовъ отдѣлъ о письмахъ въ польскихъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ въ кievской академіи отнесенъ былъ къ пiнтікѣ. «Прежде чѣмъ приступить въ поэзіи или связной рѣчи,—говоритъ львовская пiнтіка 1693 г., предположемъ краткое замѣчаніе о письмахъ; такъ какъ и они, особенно если пишутся стихомъ, также не исключаются поэтами, и изъ древнихъ хвалятъ письма Овидія, изъ новѣйшихъ—о. Бидерманна и очень многихъ другихъ поэтовъ» ²⁾). Хотя эти случайные образцы должны были съ теченіемъ времени потерять свой кредитъ и хотя письма писались и прозою, все же о нихъ, по старой привычкѣ, говорилось въ пiнтікѣ: «хотя по своему источнику,—говоритъ одна пiнтіка конца XVII в., письмо относится къ риторамъ (ибо и въ немъ должно быть выраженіе ораторское), однако по школамъ возимѣлъ силу обычай и привычка, чтобы замѣчаніе о нихъ преподавалось въ поэзіи» ³⁾). Только Теофанъ Прокоповичъ отрѣшился отъ старой привычки и помѣстилъ отдѣлъ о письмахъ въ регорикѣ ⁴⁾); но послѣдующіе за нимъ

¹⁾ Tractatus tres—de christ, periodis et epistolis, рукоп. кievо-мх. мон. № 1730, трактатъ 3.

²⁾ Leo Roxolanic, рукоп. кievо-мх. мон. № 1719, poemium.

³⁾ Samoena, рукоп. пiнті. льво-соф. собор. № 448, de epistolis.

⁴⁾ De arte rhetorica, рукоп. кiev. акад. J. III, 83, 4, кн. 6.

кіевскіе ученые по прежнему продолжали говорить о письмахъ въ пятикѣ¹⁾.

Гдѣ бы, впрочемъ, ни помѣщался отдѣлъ о письмахъ, но сущность его въ извѣстное время была одна и та же и видоизмѣнялась только съ теченіемъ времени, подѣ влияніемъ новыхъ научныхъ понятій.

Отдѣлъ о письмахъ раздѣлялся на три пункта, изъ коихъ въ первомъ рѣшались вопросы о томъ, что такое письмо, какая матерія, форма, цѣль и происхожденіе его; во второмъ пунктѣ рѣшались вопросы о томъ, какія части письма и какимъ образомъ должно излагать ихъ.

Три главныхъ части письма: привѣтствіе, прощаніе и подпись. Въ привѣтствіяхъ латинскихъ писемъ кіевскіе ученые слѣдовали примѣру классическихъ писателей, по «въ отечественномъ языкѣ,—говорить Митрофанъ Слотвинскій,—необходимо слѣдовать лучше отечественному, чѣмъ иностранному обычаю»²⁾. Въ этомъ пунктѣ письма кіевскіе ученые болѣе всего распространялись о титулахъ разныхъ царей, вельможъ и властей, какъ-то: царя русскаго, императора римскаго, султана турецкаго, царя польскаго, испанскаго, французскаго, гетмана, хана татарскаго, бояръ и вельможъ, думныхъ дяковъ русскихъ и разныхъ вельможъ польскихъ, патріарха московскаго, папы римскаго, кардиналовъ и прочихъ духовныхъ властей до приходскихъ священниковъ³⁾. Кіевскіе

¹⁾ Ragnassus, рукоп. кнѣт. 1720 г. киево-мх. мон. библ. № 1721, св. рукоп. пятику 1726 г., библ. киев. акад. J. III, 92. 13.

²⁾ Рукоп. киев. акад. J. III, 92. 13, кн. 1, гл. 3, член. 1, § 2.

³⁾ Титулы папъ и католическихъ духовныхъ властей выставляются согласно западнымъ католическимъ руководствамъ, напр. Лео Нихолианъ, рукоп. киево-мх. мон. № 1719, и выставляются, вслѣдъ за этими руководствами, довольно почтительно. Можно, поэтому, думать, что смѣщенію прежнихъ жесткихъ, не-терпимыхъ отношеній русскихъ къ католикамъ, выражавшихся даже въ перепискѣ съ ними, много содѣйствовали кіевскіе ученые своею слѣпою подражательностію западнымъ образцамъ.

руководства съ особенною силою настаиваютъ на томъ, чтобы не ошибаться кому писать *illustrissimus*, кому—*perillustris*, и проч. т. п. ¹⁾. Въ письмѣ напр. къ московскому царю нужно было употребить такое привѣтствіе: «Божіею милостію пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему великому государю нашему царю и великому князю всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверскихъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику и государю и обладателю вашего царскаго пресвѣтлаго величества моего всемилостивнѣйшаго государя и обладателя нижайшій рабъ N N подъ стопы ножныя челомъ бію». Въ письмѣ же къ патриарху московскому писалось такое привѣтствіе: «Божіею милостію святѣйшему и всеблаженнѣйшему крѣ Адріану архіепископу московскому, всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху господину отцу и пастырю нижайшее до земли сотворяю поклоненіе» ²⁾. Даже Теофанъ Прокоповичъ совѣтуетъ имѣть въ виду: «кто такой пишущій? къ кому пишетъ? о чемъ пишетъ? ибо безъ соблюденія этого,—говоритъ онъ,—не только не можетъ быть соответственнаго изобрѣтенія и слога, но неосторожный писатель можетъ подвергнуться опасности и вреду, когда напр. въ письмѣ къ начальнику употребить тотъ слогъ, какой употребляетъ къ своему слугѣ» ³⁾. Когда мы вспомнимъ заботы московскихъ и польскихъ царей о титулѣ и мѣстничество бояръ, то понятна будетъ эта особенная забота кievскихъ ученыхъ о титулѣ и тонѣ письма.

¹⁾ Луга, рукоп. ретор. кievо-них. мон. № 1719, cantus 3, de epistolis.

²⁾ Тамъ же. Подобный этому титулъ патриарха московскаго повторяется въ кievской пингикѣ 1720 года, хотя въ это время и не было въ Москвѣ патриарха. См. Patnassus, рукоп. пинт. кievо-них. мон. № 1721.

³⁾ De arte rhetorica, Теофана Прокоповича, рукоп. кiev. акад. J. III, 83. 4, кн. VI, гл. 8.

Въ третьемъ пунктѣ рѣшались вопросы о томъ, какихъ родовъ бываетъ письмо и какимъ образомъ оно излагается. Въ послѣднемъ случаѣ особенно выдаются въ древнихъ еврейскихъ книгахъ трактаты о способахъ загадочнаго письма. Узнаваніе этихъ способовъ можетъ быть полезно для нашихъ археологовъ; съ другой стороны—они такъ интересны и забавны, что не лишнимъ будетъ передать ихъ. Этихъ способовъ насчитывалось до 14 ¹⁾.

«Первый способъ писанія загадочнаго письма дается Овидіемъ, когда онъ говоритъ: безопасна также и обманывается глаза литера изъ свѣжаго молока: коснись порошкомъ угля, читай».

«Второй способъ писанія читается у Плинія: пиши на бумагѣ козлинымъ салатомъ (*lactuca caprina*), который по просту называется *witczy młecz*; когда высохнетъ,—посыпь пепломъ, и такимъ образомъ выступятъ буквы».

«Третій способъ: пиши уксусомъ, или жиромъ, или камедью, или другимъ какимъ либо жирнымъ веществомъ на папирѣ или писчихъ листахъ, посыпь ихъ пепломъ женой бумаги или толченымъ уголемъ, и прочитаешь буквы».

«Четвертый способъ: жиромъ козла или какимъ либо другимъ пиши на камнѣ и смочи уксусомъ, и будешь имѣть предъ глазами черты столь очевидныя, какъ будто вырѣзанныя».

«Пятый способъ: пиши сокомъ вишневымъ, или луковымъ, или другимъ, согрѣй на огнѣ написанныя буквы, и тогда можешь читать ихъ».

«Шестой способъ: яичнымъ бѣлкомъ или уксусомъ раствори ртуть и этою микстурою пиши; если исписанную бумагу

¹⁾ Перечисленіе многихъ изъ упоминаемыхъ ниже способовъ секретнаго письма есть у польскаго писателя Милежинскаго въ его трактатѣ: «*liber de utilitate oratoriae atque politicae rostratis*, 1697 г. Киевскія книги заимствовали ученіе о секретномъ письмѣ, вѣроятно, изъ польскихъ источниковъ.

сожжешь, то буквы останутся и читаются бѣлыми. Тоже бываетъ, если пишешь камедью, или солью, или известью, и потомъ сожжешь бумагу».

«Седьмой способъ—чрезъ знаки ариметическіе. Чтобы сдѣлать это, раздѣли алфавитъ на пять классовъ, и каждому классу усвой какой либо ореографическій знакъ, каковы суть — , ; : ? ! Итакъ первому классу усвой запятую (,), второму—точку съ запятой (;), третьему—двѣ точки (:), четвертому—знакъ вопроса (?), пятому—знакъ восклицанія (!). Число же ариметическое, означающее мѣсто буквы въ какомъ либо изъ этихъ классовъ, полагается вмѣсто самой буквы, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

a, b, c, d, e | f, g, h, i, k | l, m, n, o, p | q, r, s, t, u | x, y, z.
Напр. Ioannes scripsit—4; 4: 1, 3: 3: 5, 3? | 3? 3,—2? 4;
5: 3? 4; 4?».

«Восьмой способъ секретнаго писанья состоитъ въ поставленіи вмѣсто буквъ однихъ только ариметическихъ чиселъ; чтобы знать это,—напиши весь алфавитъ въ порядкѣ и вмѣсто буквы поставь число ариметическое, означающее мѣсто этой буквы въ ряду алфавита», напр. 1 вмѣсто первой буквы—а, 12 вм. двѣнадцатой буквы m, 23 вм. двадцать третьей буквы z. По этому способу слѣдующія слова—vale frater—будутъ выражены такимъ образомъ: 20, 1, 11, 5 6, 17, 1, 19, 5, 17 ¹⁾.

¹⁾ Пуга, рукоп. мѣст. 1696 г. киево-мх. мон. № 1719 и киево-соф. № 455, de epistolis, cantus 3. Въ восьмомъ способѣ секретнаго письма въ киевскихъ мѣстцахъ писались только 23 буквы римскаго алфавита, потому что опускалась буква w. Къ восьмому способу близко подходитъ мѣстъ употребляемый способъ секретнаго писанья, когда вмѣсто числительныхъ церковно-славянскихъ буквъ ставятся соответствующія имъ цифры. остальные же буквы, неимѣющія числоваго значенія, остаются такъ есть, напр. Ѳавиѣй—2, 1, 200, 8, 30, 10, 8. Откуда же развилась и мудрѣе авторея, известная въ древней сѣверной Руси. См. Православ. Соборники 1862 г. в апрѣль, стр. 352—355.

«Девятый способ, когда оставишь только согласныя, вмѣсто же гласныхъ поставишь цифры, ихъ означающія. Цифра же берется или церковная (т. е. римская), или ариѳметическая (т. е. арабская). Такимъ образомъ вмѣсто гласной *a* полагается 1, вмѣсто гласной *e* полагается 2, вмѣсто гласной *i* полагается 3, вмѣсто гласной *o* полагается 4, вмѣсто гласной *u* полагается 5. Напр. *mitto tibi donum* церковнымъ числомъ такъ выражается:

М ш tt iv t in b ш d iv n y m.

Или арабскими:

М 3 tt 4 t 3 b 3 d 4 n 5 m».

«Десятый способъ секретнаго писанія писемъ—*exretrosanta*, когда полагаются факелы вмѣсто буквъ, которыя обыкновенно полагаются въ такомъ порядкѣ:

a	e	i	u	r	x
b	f	k	o	s	y
c	g	l	p	t	z
d	h	m	q	u	—

Прямой факель *i* означаетъ *a*, низверженный ! означаетъ *b*, сваленный направо — означаетъ *c*, налѣво — означаетъ *d*; два поднятые факела *ii* означаютъ изъ втораго класса *e*, опрокинутые внизъ—*f*, поваленные направо—*g*, и т. д., напр. *Sis salus: !!!!! ii !!!!! | !!!!! i = !!!!!*».

«Одинадцатый бываетъ, когда въ каждомъ реченіи всѣ буквы полагаются въ обратномъ порядкѣ, такъ что если сдѣлаешь такъ, то покажется, что какъ будто читаешь на иностранномъ языкѣ; напр. *save tibi a fratre mortem* будетъ по этому способу: *evac ibit ertarf a metrom*» ¹⁾.

¹⁾ Луца, рукоп. инт. 1696 г. мѣво-них. мон. № 1719, de epistolis, canius 8. Къ одинадцатому способу можно отнести доселѣ употребляющийся способъ секретнаго разговора, когда въ каждомъ неодносложномъ реченіи вторую половину его ставятъ на первое мѣсто, съ прибавленіемъ напередѣ слова

Эти роды секретнаго письма, вѣроятно, имѣли вліяніе на древнія сѣверно-русскія литорей ¹⁾, и доселѣ еще сохраняются въ преданіи нашихъ семинаристовъ и учениковъ училищъ. Можетъ быть даже самъ таинственный языкъ нашихъ булаковъ и офеней или хожебичиковъ отчасти обязанъ своимъ развитіемъ южно-русской учености (?).

Въ такомъ видѣ было ученіе о письмахъ до Теофана Прокоповича: тогда больше обращали вниманія на титулы и роды секретнаго письма. Теофанъ Прокоповичъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону писемъ. Онъ говоритъ, что «учители реторики... или ничего не преподають о письмахъ, или и преподають что, но такъ, что повидимому говорятъ объ этомъ не съ намѣреніемъ, но случайно» ²⁾. Зная богатое развитіе отдѣла о письмахъ въ Польнѣ и затѣмъ въ кievской академіи, не ипаче можно объяснять этотъ отзывъ Прокоповича, какъ его презрѣніемъ къ польской наукѣ и польскимъ школамъ, которыя онъ называлъ «фабриками испорченнаго краснорѣчія» ³⁾. «Весьма рѣдко,—говоритъ онъ,—можно найти такихъ, которые бы прославились писаніемъ писемъ, хотя безчисленное почти множество занимались и забавлялись этимъ предметомъ» ⁴⁾. Онъ замѣчаетъ особенно два предосудительныхъ недостатка въ составителяхъ писемъ: а) что они часто не знаютъ, что нужно писать о томъ или другомъ предметѣ, и пишутъ то, что нисколько не относится къ дѣлу, а необходимое опускають; б) что не знаютъ стили или характера выраженія въ написаніи писемъ, но какимъ кто болить недугомъ—иной надутостію и пышностію героевъ и боговъ, и

¹⁾ См. о нихъ Правосл. Соборѣд. 1862 г. за апрѣль, стр. 352—355. См. Опис. рук.п. Румянц. Музеума.

²⁾ De arte rhetorica, рукоп. кiev. акад. J. III, 82. 4. кл. VI, предисловіе.

³⁾ Тамъ же, кн. 1, гл. 7, § 2.

⁴⁾ Тамъ же. кн. VI, вступленіе.

раздирательными возгласами начиняетъ письмо, иной пачкаетъ шепельностію, иной переполюетъ ихъ вялыми, какъ говорится, остроушками и попятіями, иной наконецъ портитъ другимъ недостаткомъ»¹⁾.—Положительныя качества писемъ Теофана Прокоповича можно видѣть въ его собственныхъ письмахъ, издавшихъ въ Трудахъ кievской духовной академіи за 1865 годъ.

Послѣ Теофана Прокоповича уже не встрѣчается въ кievскихъ руководствахъ по словеснымъ наукамъ перечисленія родовъ секретнаго письма; но и внутренняя сторона писемъ едва ли подвинулась впередъ. Новаго здѣсь развѣ то, что больше и больше стали приводиться примѣры писемъ на польскомъ и русскомъ языкахъ²⁾.

3.

Отдѣлъ о способѣ писанія исторіи встрѣчается только у Теофана Прокоповича³⁾. Причиной введенія въ реторику отдѣла объ исторіи съ одной стороны было то, что исторія долго не преподавалась въ кievской академіи какъ отдѣльная наука, съ другой—то, что въ теоріи исторіи чувствовался большой недостатокъ; потому что въ Россіи почти не было исторіи, кромѣ сокращенія лѣтописи въ хроникѣ Сафоновича и затѣмъ въ Синописѣ, и кромѣ отдѣльных житій святыхъ и описанія чудотворныхъ иконъ, такъ что Теофанъ Прокоповичъ справедливо жаловался, что «столько славныхъ дѣлъ нашего отечества забыты совершенно, и что оно совершило до сихъ поръ,—едва—что передано памяти потомства»⁴⁾. Этотъ недостатокъ исторіи былъ тѣмъ чувствительнѣе, что католическій западъ и Польша имѣли уже своихъ историковъ, которые въ пылу національнаго и религіознаго фанатизма,—

¹⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 7.

²⁾ Рук. мѣло-мнх. мон. № 1721, сп. рук. кiev. акад. J. III, 92. 13.

³⁾ De arte rhetorica, рук. м. кiev. акад. J. III, 83 4, кн. VI.

⁴⁾ Тамъ же, кн. I, гл. 2.

по выраженію Прокоповича, — «съ величайшимъ усиліемъ и трудомъ, потѣя, зябня, блѣдя, безъ покою, безъ скуки и досады лгутъ дни и ночи» ¹⁾, и ихъ вымыслы «не малочисленными и православными кажутся достойными вѣры и не мало причиняютъ сомнѣнія касательно святѣйшей религіи нашей, а иныхъ и совершенно отклоняютъ отъ нея» ²⁾. Теофанъ Прокоповичъ хотѣлъ научить русскихъ писать исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ обличить вымыслы римско-католиковъ. Такимъ образомъ его трактатъ о способѣ писанія исторіи имѣетъ положительную и отрицательную стороны. Этими двумя сторонамъ, а особенно послѣдней, какъ нельзя болѣе соответствовалъ остроумный, скептическій и насмѣшливый Лукіанъ. Поэтому Теофанъ Прокоповичъ и избралъ его своимъ руководителемъ. «Когда я, — говоритъ онъ, — выдумывать нѣкоторые правила касательно этого предмета (ибо доселѣ мнѣ не приводилось читать такихъ, которые бы ех professo говорили объ этомъ, поелику тѣ, которые издавали книги о наукѣ реторической, или нисколько, или очень кратко говорили объ исторіи), я, подлинно, по счастливому случаю, попалъ на книгу Лукіана Самосатскаго, которую онъ написалъ къ Филону о написаніи исторіи, съ такимъ счастіемъ ума, что повидимому ничего не доставятъ у него для этой науки: трудъ дѣйствительно образованный, ученый, тщательный, наполненный изящнѣйшими островами, который весь и всецѣло предположить бы я здѣсь, если бы онъ не былъ длиннѣе той краткости, о которой долженъ заботиться умъ. Итакъ, что онъ преподаетъ и утверждаетъ довольно обширно, то все я представляю въ сокращеніи и раздѣлю на извѣстныя главы, не опуская при этомъ изъ виду и другихъ источниковъ» ³⁾. По иѣстамъ

¹⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 2.

²⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 4.

³⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 2, § 1.

дополняя Лукіана изъ Іосифа Флавія, Цацерона, Діонисія Галикарнасскаго, Квинтиліана, а также—Страды, Бодина, Кохановскаго и др., Прокоповичъ все-таки проводитъ свой двойной взглядъ, положительный и отрицательный, по всему отдѣлу объ исторіи. Высказавъ какое либо положительное правило касательно написанія исторіи, Теофанъ Прокоповичъ тотчасъ же осмѣиваетъ уклоненія отъ этого правила у разныхъ историковъ, особенно же польско-католическихъ.

«Исторія, по опредѣленію Теофана Прокоповича, есть изложеніе какаго либо факта, то есть, то же, что повѣствованіе... Цель ея—приносить пользу или—польза, именно, чтобы изъ чужихъ примѣровъ, какъ бы собственныхъ опытовъ, мы поняли, что нужно дѣлать и чего избѣгать» ¹⁾. Исторія имѣетъ три свойства: достовѣрность, краткость и ясность.

1) Говоря о достовѣрности исторіи, Теофанъ Прокоповичъ излагаетъ недостатки, препятствующіе достовѣрности исторіи, причины ихъ и способы распознавать въ исторіи ложное.

Препятствій къ достовѣрности исторіи—три: невѣдѣніе, увлеченіе или страсть писателя и легкость. *Чтобы отклонить невѣдѣніе*, Теофанъ Прокоповичъ требуетъ, чтобы мы вѣрили только людямъ достовѣрнымъ, и притомъ когда ихъ много говорятъ одно и то же; касательно же отдаленныхъ отъ нашего времени событій, искать достовѣрныхъ и важныхъ авторовъ и слѣдовать большинству, или же, если число той и другой стороны и авторитетъ важны, то оставлять предметъ подъ сомнѣніемъ. Нужно кромѣ того изучать времена, мѣста, изъ географическихъ, хронологическихъ и другихъ авторовъ. Противъ этого погрѣшили Скарга іезуитъ, «который въ прибавленіи къ жизни св. Іоанна Дамаскина, желая объ-

¹⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 1, § 1 и 2.

яснить исторически, почему Дамаскинъ отрицалъ,—какъ выражается онъ—исхождение Св. Духа и отъ Сына, говорить: «кажется, Дамаскинъ жилъ во времена иконоборцевъ», что дѣйствительно справедливо; «но,—продолжаетъ онъ,—въ то же время писалъ и Теофилактъ, и это не противорѣчитъ указанной нами причинѣ, если древнѣйшій Дамаскина авторъ дѣлаетъ тоже самое». Но однако Теофилактъ за 20 слишкомъ лѣтъ до своего рожденія, кажется, писать не могъ¹⁾. «Сюда же занесенъ бытъ бурей и Мартинъ полякъ, котораго и Белярминъ въ одномъ мѣстѣ признаетъ несвѣдущимъ и который Іустина историка смѣшиваетъ съ Іустиномъ философомъ и увѣчиваетъ мученичествомъ». Для избѣжанія увлеченія или страсти писателя, авторъ не долженъ списывать благосклонности, ни руководиться любовью, ни увлекаться гнѣвомъ, ни позволять ослѣпляться ненавистью или завистью, не долженъ стараться о партіяхъ. Противъ этого погрѣшаютъ «почти всѣ паписты писатели, для которыхъ и опасно не все повѣствовать въ пользу папъ. Поэтому и епига о жизни Сикста V, когда ее не могли истребить, запечатлѣна была, какъ говорятъ, отлученіемъ читающихъ. И послѣку каждый усиливается возвеличить свой орденъ, то рассказываютъ, что многіе изъ своихъ совершали чудеса, многіхъ изъ древнихъ святыхъ мужей насильно привлекаютъ въ свой орденъ: у нихъ Ілія, Елисей, пророки всѣ, самъ Христосъ и прелоблаженная Матерь Христова, также, если Богу угодно, Пивагоръ и многіе изъ циниковъ и стойковъ были кармелитами. Чего-жъ

¹⁾ Петръ Скарга написалъ *Żywoty świętych*, 1579 г., хотя безъ критики, но великолѣпнымъ, увлекательнымъ слогомъ, которому они одолжены тѣмъ, что имѣли до 25 изданій и болѣе извѣстны и распространены въ массахъ, нежели какое либо другое произведеніе словесности. Поэтому-то, можетъ быть, Теофанъ Прокоповичъ и критикуетъ его, съ цѣлію—уронить его авторитетъ въ глазахъ русскихъ.

больше? Съ величайшимъ усиленіемъ и трудомъ, потѣя; забія, блѣднѣя, безъ покою, безъ скуки и отвращенія злутъ дни и ночи. Если хорошо размотришь исторію нѣкоего Баронія, то найдешь, что этотъ мужъ, будучи иногда глубокоученнымъ, предположилъ ту цѣль написанія, чтобы похвалить папу. Говорять, онъ такъ былъ занятъ этимъ великимъ трудомъ, что когда ему нужно было идти къ столу, то онъ жаловался, что его ведутъ на казнь. Но къ чему это, если онъ посвятилъ себя не истинѣ, но принесъ въ жертву папской выгодѣ¹⁾? Съ другой стороны, касательно православныхъ католическіе историки слѣдуютъ такому преданію, которое не говоритъ въ пользу православныхъ, оставляя хорошее въ сторонѣ. По этому можно судить «о справедливости латинянъ, которые о днѣ взятія Константинополя принимаютъ то мнѣніе, которое для насъ хуже, хотя многіе историки передаютъ противное мнѣніе»²⁾. Для избѣжанія лекомыслия нужно разсматривать себя, или предметы, или лица, что—намъ, что другимъ прилично или неприлично, все ли то, о чемъ повѣствуемъ, вяжется между собою, или же несогласно, противорѣчиво и т. п. ».

Причинъ ложности исторіи, по Іосифу Флавію, двѣ: медленное и позднее развитіе литературы и писаніе исторіи изъ желанія славы, а не истины. Вторая причина подходитъ подъ увлеченіе или страсть писателя, о чемъ уже сказано. Поэтому Теофанъ Прокоповичъ, опуская ее, говоритъ только о первой. «Касательно же первой причины,—говоритъ онъ,—возьми тѣ предметы, которые въ каждомъ народѣ древнѣе письменности, и не иначе могутъ быть намъ извѣстны, какъ по божественному откровенію, особенно если ихъ не касаются никакіе сторонніе писатели; ибо можно ли прорицать? По-

¹⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 2, §§ 2 и 3.

²⁾ Тамъ же, кн. VI, гл. 3, § 3.

этому происхожденія всѣхъ почти народовъ Кохановскій считаетъ баснословными въ своемъ разсужденіи о родоначальникѣ поляковъ Лехѣ, коего существованіе онъ отрицаетъ, поелику мы не можемъ знать этого, такъ какъ не было у поляковъ никакой письменности, сторонніе же историки никогда не упоминали о Лехѣ. Только нѣкоторые позднѣйшіе какъ поляки, такъ и другіе съ такою увѣренностію пишутъ, какъ будто узнали изъ достовѣрнѣйшаго источника, и не обинуясь разсказываютъ не только то, что онъ существовалъ, но и какія велъ войны, и сколько годовъ царствовалъ, даже что говорилъ. Но кто передалъ это ихъ памяти? Молва, говорятъ, или, какъ говорятъ, преданіе народа. Итакъ, отъ чего произошло то, что народъ польскій, пока не было письменности и писателей, хорошо удерживалъ въ памяти свое происхожденіе и жизнь Леха? Но когда явился на свѣтъ Мартинъ и за нимъ слѣдовали Кромеры, Стрыйковскіе, Липсціи,—то вдругъ всѣ поляки забыли объ этомъ? Но дѣйствительно источникомъ всѣхъ почти басенъ служить молва, и наши не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вѣроятія, когда, слѣдуя нѣкоторымъ изъ поляковъ, родъ москвитянъ стараются произвести отъ Мосоха ¹⁾. Такимъ образомъ источники и другихъ народовъ, какъ будто голова Нида, сокрыты; на мѣсто ихъ лгастящіе себѣ люди выдумали суція басни. Такъ Аристидъ по свидѣтельству Іоанна Бодипа въ методѣ исторіи, главѣ девятой, передавалъ, что мать народа аѣинскаго не отъишуда родилась, но отъ самой земли, также Полидоръ и Цезарь

¹⁾ Здѣсь Теофанъ Прокоповичъ намекаетъ вѣроятно на «Синописисъ», издавннй въ Киевѣ 1674 г., въ которомъ дѣйствительно говорится о происхожденіи славянъ отъ Іафета, Мосоха и т. п. Откуда взяты эти сказанія и гдѣ прежде быдла, вѣроятно въ «Лѣтописи Даниловской», Учен. Зап. II отд. акад. наук. кн. II, выпуск. 1, стр. 77—160.

передавали о британцахъ, Тацитъ и другіе—о германцахъ, какъ говорить цитованный авторъ» ¹⁾.

Между способами распознавать въ исторіи ложное Теофанъ Протопоповъ указываетъ замѣчательный способъ узнавать вымыслъ въ историческихъ сочиненіяхъ новѣйшихъ латинянъ касательно чудесъ. «Писцы рассказываютъ о безчисленномъ множествѣ совершившихся у нихъ почти въ настоящее время чудесъ, съ цѣлію или утвердить ими свою секту, или прославить монашескіе ордена, или привлечь къ себѣ легкомысленную чернь, и захватить богатства. Я замѣчалъ, что многіе изъ православныхъ эти чудеса кажутся достойными вѣроятія и не мало причиняютъ сомнѣнія касательно свѣтѣйшей религіи нашей; а иныхъ и совершенно отклоняютъ отъ нея; а для меня несомнѣнно, что эти чудеса легко могутъ быть признаны ложными. Пересматривая многія изъ нихъ и тщательно анализируя ихъ, я нашелъ, что почти всѣ они должны быть подведены подъ слѣдующіе четыре разряда: незначительныя и пустыя, носящія на себѣ печать женственности, чрезвычайно трагическія, великія и изумительныя, но не подтвержденныя надлежащими свидѣтельствами, и такія, которыя, по здравому разсужденію, не могли и не должны были произойти свыше отъ Бога. 1) Пустыми и носящими на себѣ печать женственности я называю тѣ чудеса, которыя имѣютъ легковѣрнаго автора; таковы напр. видѣнія и откровенія женщинъ. Нѣкоторыя женщины издали объ этомъ цѣлыя книги и трактуютъ по главамъ, что имъ говорилъ Христосъ когда-то и тогда-то, что видѣлось въ ту, что—въ другую ночь. Поэтому у писцовъ всѣ житія женщинъ ни о чемъ столько не твердятъ, какъ о видѣніяхъ. Это понятно. Извѣстно,

¹⁾ De arte rhetorica, кн. VI, гл. 3, §§ 1 и 2. О Жанѣ Боденѣ, французскою вриетѣ XVI в., см. Русск. Вѣсти, 1865 г. за октябрь, «Очеркъ развитія историч. науки», Герье, стр. 469—472.

что женщины по природѣ своей склонны къ фантазіи и разсказыванію своихъ словъ, такъ какъ этотъ полъ легкомысленъ и довольно тщеславенъ. Къ этому же разряду можно отнести всѣ рассказы или слишкомъ нѣжные и сентиментальные, какъ напр. то, что ангелъ будилъ къ молитвѣ какую-то дѣвицу, тихо шипля ее за ушко; или неприличные и несообразные съ божественнымъ величіемъ, какъ напр. то, что пресв. Матерь Божія отдала мѣть свое дитя другой дѣвицѣ, моющей ее банѣ; или наконецъ такіе, смыслъ и цѣль которыхъ нельзя понять, но которые тѣмъ не менѣе пусты и незначительны. Таковъ напр. рассказъ о томъ, какъ юноша пожелалъ видѣть Богородицу, чего и удостоился, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы увидѣвши лишиться глазъ; но онъ хотѣлъ быть лучше кривымъ, чѣмъ слѣпымъ, и потому созерцалъ Богоматерь съ однимъ закрытымъ и другимъ открытымъ глазомъ, и прощ. Безчисленное множество такихъ чудесъ и разсказовъ, и только чловѣкъ непроходимо глупый не посмѣется надъ ними.

2) Чрезвычайно же трагичныя—тѣ чудеса, которыя представляютъ собою какую-либо плачевную сцену, въ родѣ яростнаго Геркулеса. Такого рода чудеса большею частію разсказываются о чистилищѣ; напр., что какой-то путникъ набрелъ на большую кузницу, гдѣ цѣлюпы большими молотами бивали руки, языки, головы и другіе чловѣческіе члены, отторгнувши отъ тѣлъ. Тамъ же, можетъ быть, выкована и эта басня. Сюда же можно отнести рассказъ объ Идонѣ и о докторѣ Сорбонскомъ въ житіи Брунона: когда,—говорится здѣсь,—священники отиѣвали усопшаго доктора, мертвецъ поднимался трижды, и въ первый разъ сказалъ: *я обвиненъ*, потомъ—*я судимъ*, и наконецъ—*я осужденъ*. Значитъ, народъ и священники были такъ тверды духомъ, что не разбѣжались отъ этого дива. Не говорю уже о томъ, что здѣсь вводится сцена частнаго суда. Ложность такихъ чудесъ отрывается сама

собой, если предварительно прочтешь исторію древнихъ христіанъ, гдѣ не найдешь ничего подобнаго, не потому, чтобы Богъ не могъ творить такихъ чудесъ, а потому, что самыя прикрасы вѣтренной глупости обнаруживаютъ ложь. Именно: изысканные проповѣдники, не имѣя возможности другими средствами подѣйствовать на душу, стараются потрясти народъ вымышленными страшилками. 3) Еще менѣе достойны вѣроугодія чудеса важныя и чрезвычайно изумительныя (такія, которыя если бы теперь случились въ Кіевѣ,—тогда бы, можетъ быть, разнеслись по всему свѣту), но не подтвержденные надлежащими свидѣтельствами и покрытыя глубокимъ молчаніемъ у всѣхъ писателей, кромѣ какаго нибудь одного. Таково напр. то чудо, которое выдумалъ смѣшной бродячій чудесъ Іеронима, худо скрывшійся подъ именемъ Кирилла. Когда Іеронимъ оставилъ жизнь, то всѣ колокола, сколько ихъ ни было въ мірѣ, будто бы зазвучали сами собой. Но я увѣренъ, что никому изъ смертныхъ не слышно было этого звука; только одинъ помѣшанный Кириллъ запасся тогда ушами длиннѣе кабаньихъ. Во-первыхъ, тогда не было въ употребленіи колоколовъ; а во-вторыхъ—неужели такое изумительное явленіе не было бы передано и разглашено всѣми историками того времени? Таковы безчисленныя другія басни, напр. что въ какой-то деревнѣ много мужиковъ и бабъ безпрестанно плясали круглый годъ, не чувствуя нужды ни въ пищѣ, ни въ снѣ, и не ощущая ни болѣзни, ни дождя, ни снѣга, ни труда. Такою казнію Богъ наказалъ жителей этой деревни за то, что они не слушались своего священника, который увѣщевалъ ихъ прекратить пляску. Дѣйствительно, пріятное названіе—не терять никакихъ непріятныхъ ощущеній и постоянно ликовать. И подобное чудо разглашается всѣми способами. Еще смѣлѣе тѣ повѣствователи о чудесахъ, которые описываютъ происшествія вопреки достовѣрнымъ и положи-

тельными свидѣтельствамъ. Не задолго до настоящаго времени, при первосвященникѣ римскомъ Иннокентіѣ X, представлены были этому папѣ тезисы, которые въ Римѣ, въ одномъ храмѣ защищали какой-то мальчикъ, семи лѣтъ отъ роду, съ такимъ здравомысліемъ, что никто не могъ довольно надивиться. Говорятъ, что при этомъ были искуснѣйшіе диспутанты, которые оказались однако же гораздо хуже мальчика. Сначала это происшествіе стало—было считаться божественнымъ чудомъ; но вскорѣ отъкрылось, что мальчику подсказывалъ какой-то магъ (?), который, будучи потребованъ къ допросу, бросился съ высокаго окна, о чемъ и до нынѣ въ Римѣ извѣстно всѣмъ и каждому. Однако іезуитъ Квяткевичъ, полякъ, въ приложеніи своемъ къ книгѣ Баронія, почти въ концѣ сочиненія рассказываетъ объ этомъ происшествіи и говоритъ, что оно приписывается Св. Духу и почитается чудомъ. Вотъ вамъ историческая достовѣрность! 4) Къ четвертому разряду мы причислили такіа чудеса, которымъ очевидно нельзя приписать божественнаго происхожденія. Эти чудеса легко можно распознать: въ нихъ замѣтишь или суевѣріе, или признаки нечестія. Скажите пожалуйста,—можно ли производить отъ Бога то чудо, что когда убитъ былъ Іосафатъ (Кунцевичъ, униатскій епископъ полоцкій, убитый православными за его фанатизмъ въ Витебскѣ въ 1623 году), то младенецъ будто бы воскликнулъ, что Богъ убитъ? Или, припишешь ли Божеству то, что рассказываютъ объ Игнатіѣ Лойолѣ, будто бы онъ гнуснымъ стихомъ Вергилія: «Speluncam Dido Dux et Troianum eandem...» lib. 1. Aeneid. изгналъ демона изъ одной женщины? Конечно, Іосафатъ обоготворенъ во имя той религіи, которой принадлежитъ чудодѣйственный стихъ Вергилія. Уже ли ты думаешь, что по божественному мановенію могло произойти то (чего впрочемъ никогда и не бывало), что сбрежало между прочимъ странный панегиристъ Іеронима: у Кирилла,

говорить онъ, былъ споръ съ однимъ еретикомъ, признававшимъ во Христѣ двѣ воли; за такое заблужденіе Іеронимъ будто бы въ виду народа отдѣлилъ у еретика голову отъ плечъ. Что это, бессмертный Боже, за грубость относительно священныхъ догматовъ! Что за страсть и охота лгаты! Все вышесказанное я рѣшился изложить, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мы могли распознавать побасенки обманщиковъ и кромѣ того знали, чего нужно оберегаться намъ при написаніи исторіи, если мы хотимъ вѣрно служить истинѣ» ¹⁾).

2) Касательно краткости Теофанъ Прокоповичъ, согласно Цицерону и Лукіану, предлагаетъ слѣдующія правила: чтобы историкъ не осмѣливался вводить чего либо ложнаго, и чтобы не дерзало опускать чего либо истиннаго. Последнее правило не должно понимать такъ, будто нужно описывать все истинное, хотя бы это истинное было мелочное: мелочи могутъ и опускаться.

3) Касательно ясности историческаго изложенія Осеофанъ Прокоповичъ предлагаетъ слѣдующія правила: а) выраженіе историка должно быть обработанное, не менѣе поэтическаго и ораторскаго, блестящее и пріятное, но безъ аффекта, въ соотвѣтственной связи и плавности рѣчи и солидное; б) Исторія должна писаться собственными періодами, но такъ между собою соединенными, чтобы они представлялись не сопригающимися одинъ другому, но непрерывными; в) Фигуры—мало, и притомъ такія, которыя бы не возмущали этой молочной рѣчки исторіи, т. е. могутъ употребляться тихія и скромныя; никакія сильныя не имѣютъ мѣста, исключая вводныхъ рѣчей; д) Не должны употребляться описанія, развѣ только по

¹⁾ De arte rhetorica, О. Прокоповича, кн. VI, гл. 4, см. «Труды Киев. дух. акад.» за апрѣль 1865 года, стр. 625—627

необходимости; но и въ нихъ нужно соблюдать краткость и мѣру ¹⁾).

4.

О судебномъ родѣ краснорѣчія большею частію говорилось только въ общей части реторики, и то какбы мимоходомъ, потому что этотъ родъ краснорѣчія, по выраженію кievскихъ ученыхъ, «мало употребителенъ въ настоящій вѣкъ» ²⁾. Но Теофанъ Прокоповичъ, полагавшій между цѣлями краснорѣчія «избавлять добрыхъ отъ ненависти, невинныхъ отъ клеветы и обвинять безчестныхъ и преступныхъ» ³⁾, довольно подробно раскрылъ въ своей реторикѣ ученіе о судебномъ родѣ краснорѣчія; при чемъ руководствовался главнымъ образомъ второю книгою Цицероновой реторики. Не безынтересно будетъ изложить здѣсь юридическія понятія этого замѣчательнаго юриста и законовѣда русскаго первой половины XVIII вѣка.

«Судебныя рѣчи, по реторическому руководству Теофана Прокоповича бываютъ двоякаго рода: однѣ—обвинительныя, другія—защитительныя. Слѣдовательно нужно опредѣлить ту и другую сторону и показать, что должны представлять обвинитель или защитникъ для подтвержденія своей мысли». А такъ какъ троякаго рода бываетъ постановка или положеніе судебныхъ вопросовъ—предположительное, положительное и качественное; то и мѣста, откуда обвинитель или защитникъ почерпаютъ свои доказательства, бываютъ троякаго рода: одни относятся къ положенію предположительному, другія—къ положительному, опредѣленному, иныя—къ качественному.

1) Предположительное состояніе какаго либо судебного вопроса есть такое состояніе, въ которомъ вина подсудимаго

¹⁾ De arte rhetorica, кн. VI, гл. 5 и 6.

²⁾ Рукон. сборн. кiev. акад. J. III, 89 10, первая реторика, част. 2, гл. 1

³⁾ De arte rhetorica, кн. I, гл. 2, § 4.

не представляется очевидною, а подтверждается только предположеніями, заимствуемыми изъ побочныхъ обстоятельствъ, каковы суть: причина, лицо и поступокъ.

Причина есть то, вследствие чего дѣлается чтонибудь. Если мы положимъ, что она есть или была у извѣстнаго человѣка, то этимъ утвердимъ также, что онъ сдѣлалъ то или это. Причина же, побуждающая къ совершенію чего либо, бываетъ двоякаго рода: побужденіе (*impulsio*) и размышленіе (*ratiocinatio*). Побужденіе есть то, что безъ размышленія, въ состояніи страсти побуждаетъ къ чему либо, какъ напр. любовь, гнѣвъ, пьянство и всѣ тѣ состоянія, въ которыхъ умъ не можетъ трезво смотрѣть на дѣло. Размышленіе же есть намѣренное, сознательное прискиканіе причинъ для какого либо поступка, когда напр. утверждаютъ, что извѣстный поступокъ сдѣланъ по дружбѣ, для отыщенія врагу, для умноженія или приобрѣтенія уваженія, славы и какой либо выгоды, для избѣжанія вреда или невыгоды. Изъ этихъ двоякаго рода причинъ и обвинитель и защитникъ могутъ брать предположительныя доказательства. Пусть будетъ слѣдующій примѣръ. Передаютъ, что Василій Македонянинъ, выѣхавши однажды на охоту, преслѣдовалъ оленя; но олень зацѣпилъ его своимъ рогомъ за поясъ и едва было не умертвилъ. Къ счастью, подбѣжалъ къ нему одинъ изъ свиты и, разсѣкши поясъ мечемъ, освободить императора отъ опасности, но обвиненъ былъ въ замыслѣніи убійства. Поэтому возникъ вопросъ,—думалъ ли онъ убить царя?—вопросъ, родившійся изъ этихъ противоположеній: *думалъ, не думалъ*. Первое беретъ обвинитель, а второе—защитникъ. Если обвинитель хочетъ пользоваться перваго рода причиною, т. е. побужденіемъ, то онъ скажетъ, что, быть можетъ, обвиняемый въ то время былъ оскорбленъ императоромъ и сильно опечалился или разгнѣвался, изобразить яркими красками состояніе печали

или гнѣва, и при этомъ уважаетъ на примѣры другихъ людей, которые подъ вліяніемъ гнѣва или печали отваживались на подобныя преступленія. Если же обвинитель хочетъ пользоваться второю причиною, т. е. размышленіемъ, то представить, какой выгоды ожидать, какой невыгоды надѣялся избѣжать смертію царя; скажетъ напр., что обвиняемый домогался господства, или желалъ избавиться ссуды или наказанія за преступленіе, въ которомъ принималъ участіе, но не могъ скрыться, уважаетъ наконецъ и другія причины, и все это представить въ преувеличенномъ видѣ. Но какого бы рода причиною ни пользовался обвинитель,—онъ долженъ предупредить защиту; а этого онъ достигнетъ, если предусмотритъ,—какими доказательствами защитникъ могъ бы защитить виновнаго, и эти доказательства самъ добровольно предложитъ и разрѣшитъ ихъ. При этомъ обвинитель долженъ обращать вниманіе не на то, что на самомъ дѣлѣ есть или было, но что было и могло быть въ мысли обвиняемаго. Поэтому, если бы касательно представленнаго случая сказалъ кто, что жизнь императора считается дороже не только выгоды, но и жизни частныхъ людей, и напротивъ—цареубійство хуже всякой невыгоды; этого обвинитель не будетъ отрицать, а скажетъ только, что этого не имѣлъ въ виду злодѣй и подтвердить свое мнѣніе глупостію и безуміемъ челоѣка. Также, если бы кто сказалъ, что обвиняемый еще не убилъ царя и что царемъ однако самъ онъ не могъ бы сдѣлаться,—и этого также не будетъ отрицать обвинитель, а скажетъ, что въ то время злодѣй рассчитывалъ на это. Если же кто обвиняется не въ замышляемомъ, а фактическомъ преступленіи (что не содержится въ представленномъ случаѣ), кромѣ вышесказаннаго обвинитель покажетъ, что никто другой, кромѣ обвиняемаго не имѣлъ причины къ такому преступленію, или же если и имѣлъ, то не имѣлъ способовъ къ совершенію его.—Что

касается защитника, на обязанности которого лежит—опровергнуть обвиненіе, то онъ будетъ доказывать, что или не было никакого побужденія, или же если и было какое, то уменьшить его, а именно—что такое побужденіе, обыкновенно, не приводитъ къ такому преступленію, что хотя обвиняемый подвергся насмѣлкѣ и презрѣнію со стороны императора, хотя и оскорбился, но мало, не до того въ самомъ дѣлѣ, чтобы рѣшиться на такой нечестивый поступокъ. Размысленіе же защитникъ опровергаетъ двоякимъ образомъ: 1) опровергаетъ побудительныя причины, а именно, что обвиняемый никогда не домогался господства, что онъ не совершилъ никакого преступленія, за которое бы могъ подвергнуться наказанію, и это подтвердить сильными доказательствами, особенно заимствованными изъ жизни и обычаевъ лица, и др. Кроме того показать, если захочетъ, что обвиняемый не могъ этого достигнуть такимъ преступленіемъ, и если бы обвинитель утверждалъ, что онъ однако рассчитывать на это, то защитникъ скажетъ, что нѣтъ никого столь глупаго, кто бы въ такомъ дѣлѣ не могъ знать истины. 2) Защитникъ скажетъ, что у обвиняемаго были совершенно противоположныя причины, которыя побуждали его дѣлать противоположное, какъ напр. въ приведенномъ случаѣ—благосклонность къ нему императора, милость, почести и проч.

Но если и раскрыта будетъ причина преступленія,—однако изъ нея нельзя выводить заключенія о самомъ преступленіи, потому что душа подсудимаго легко могла противиться этой причинѣ и избѣжать преступленія. Поэтому нужно извлекать подозрѣнія касательно преступленія изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ самого лица. А эти обстоятельства могутъ быть слѣдующія: 1) природа,—мужчина или женщина, откуда родомъ, какихъ родителей, какого возраста, какого характера—дерзкій, гордый, глупъ ли, или напротивъ? 2) образъ жизни:

бѣмъ воспитанъ, съ кѣмъ жилъ, какъ прежде жилъ, какъ теперь? 3) состояніе: богатый или бѣдный, сильный, счастливый, заслуженный? 4) лицо и очертанія губъ, тѣлодвиженіе, поступъ, рѣчь и другое въ этомъ родѣ. Итакъ обвинитель къ причинѣ преступленія присовокупить атрибуты человѣка. Такъ напр. въ приведенномъ случаѣ онъ усугубить подозрѣніе въ умысленномъ злодѣяніи, если скажетъ, что обвиняемый былъ человѣкъ дерзкій, гордый, худо воспитанный, что онъ съ дѣтства жилъ между худыми людьми и самъ также слышалъ худое, и что друзья и родственники у него были люди худые, что онъ былъ заносчивъ и полагался на свою знатность, богатство и могущество, питалъ великія надежды, и постоянно въ умѣ его таилось нѣчто важное, что замѣтно и по лицу, тѣлодвиженіямъ и рѣчамъ его. Если же изъ прошлой жизни нельзя ничего взять, то нужно убѣждать судей, чтобы они рассматривали это дѣло не на основаніи прежней жизни, а о прежней жизни судили на основаніи этого поступка. Напротивъ защитникъ, разбирая отдѣльно каждое предположеніе, иное будетъ отрицать, какъ напр. что обвиняемый былъ человѣкъ гордый, честолюбивый, худо воспитанный; иное онъ не долженъ отрицать, какъ напр. что онъ знатенъ, богатъ, могущественъ, но скажетъ, что онъ очень хорошо пользовался своимъ счастьемъ, и это докажетъ перечисленіемъ какихъ либо его хорошихъ поступковъ и признаковъ скромности и умѣренности.

При рассмотрѣніи факта должны быть представляемы обстоятельства самаго дѣла. Эти обстоятельства бываютъ троякаго рода: предшествовавшія факту, какъ напр. изысканный случай, благовременность, удобство; сопровождающія самый фактъ, какъ напр. мѣсто, время, способъ; и послѣдующія за фактомъ: радость или печаль, страхъ, дрожаніе и т. п. Изъ этихъ обстоятельствъ особенно рождаются предположенія,

если обвинитель въ приведенномъ примѣрѣ разсмотритъ, что обвиняемый дѣлалъ передъ охотою и съ кѣмъ что говорилъ, каковъ былъ въ лицѣ: не блѣднѣлъ ли, не запинался ли въ рѣчи, не казался ли глубокого занятымъ чѣмъ нибудь? ибо таковы проявленія души, рѣшающейся на что нибудь великое. Обвинитель разсмотритъ также, какъ обвиняемый велъ себя на самой охотѣ: можетъ быть казалось, что онъ высккивалъ случая, можетъ быть разсѣянно охотился, можетъ быть, когда императоръ одинъ удался въ лѣсъ,—самъ какъ можно скорѣе послѣдовалъ за нимъ; когда же увидѣлъ, что императора повалилъ олень, то сочелъ этотъ случай удобнѣйшимъ для цареубійства, за которое не только не могъ быть обвиненъ, но и заслужилъ бы благоволеніе народа. Далѣе, обвинитель разсмотритъ самый процессъ. какъ подбѣжалъ? Прежде чѣмъ обнажилъ мечъ,—не замѣтно ли было, что онъ озирался туда и сюда? Почему наконецъ избралъ такой родъ защиты, который сопряженъ съ опасностію? Или онъ думалъ, что поясъ находился на далекомъ разстояніи отъ бока царя? Почему не убилъ лучше самаго звѣря? Что за тѣмъ послѣдовало, когда императоръ всталъ здоровымъ: обрадовался ли обвиняемый, и если обрадовался, то не была ли эта радость притворною? Или можетъ быть и ужаснулся? Что было послѣ того, во время обратнаго пути и дома? Ибо, если онъ замышлялъ убить, то онъ долженъ быть печальнымъ, что не удалось его предпріятіе. Можетъ быть, въ полпочъ онъ лежалъ въ постели безъ сна и былъ печаленъ.—Защитникъ напрогивъ будетъ утверждать, что ничего и никогда не замѣтно было въ немъ, что бы обнаруживало въ немъ какой либо великій замысль; потомъ отвергнетъ тѣ признаки, какіе можно отрицать, остальные же ослабитъ или объяснить иначе, напр. что онъ хорошо сдѣлалъ, послѣдовавши за покинутымъ другими императоромъ, что онъ никакъ не могъ предвидѣть такого неожиданнаго

случая, и если озирался, такъ это ~~показъ~~ глазами помощи другихъ; что разсѣкъ поясъ, такъ это ~~потому~~, что не было ему времени выдумать другой способъ защиты; ~~притомъ же~~ и этотъ способъ былъ отличный, потому что поясъ, натянутый ~~руками~~, былъ далеко отъ тѣла, и что если бы раненый ~~звѣрь~~ остервенился, то онъ скорѣе бы умертвилъ императора. Кромѣ того защитникъ скажетъ, что послѣ того ~~обвиненный~~ всегда былъ доволенъ собою и, къ зависти многихъ, чуть не гордился этимъ поступкомъ.

2) Особенно трудно вести дѣло, находящееся въ предположительномъ состояніи, потому что дѣло неизвѣстное и темное нужно выводить здѣсь какъ будто изъ потаенныхъ мѣстъ. Но когда уже очевидны доказательства,—то никакого не представляется труда говорить рѣчь въ положеніи определенномъ или качественномъ, такъ какъ вопросы въ этихъ двухъ положеніяхъ часто заимствуются отъ предположительнаго состоянія; ибо часто извѣстный уже способъ разрѣшенія ихъ нужно подтверждать предположеніями. Такъ напр., если бы я желалъ утверждать, что Цезарь былъ тиранъ; то я долженъ употребить слѣдующій способъ: онъ—тиранъ, потому что дѣлалъ то, что свойственно тиранну; а при этомъ я войду въ положеніе предположительное: дѣлалъ-ли онъ что либо такое? и проч. Итакъ въ определенномъ положеніи нужно показать значеніе слова и определять, что такое тиранъ, что такое отецъ отечества и проч.? Если это ясно будетъ, то нужно только развить и украсить; если же сомнительно и темно,—то нужно подтвердить и доказать, что такое-то слово подходитъ подъ сдѣланное тобою опредѣленіе, какъ видъ его, также нужно подтвердить мѣстами отдаленными, сентенціями авторовъ и примѣрами, изъ которыхъ видно, по какимъ причинамъ извѣстные люди названы тиранами; потомъ подъ опредѣленіе подвести поступки и слова того, кого обвиняешь,

и сказать, что это опредѣленіе соотвѣтствуетъ его жизни, и проч. Пусть будетъ слѣдующій примѣръ: должны ли быть ~~называемы~~ еретиками латиняне, послѣдующіе римскому папѣ? Ересь есть упорство въ заблужденіи касательно таинствъ вѣры и божественнаго ученія. А «латиняне: 1) попортили многія отеческія писанія, увидѣвши, что ничего не могутъ сдѣлать въ свою пользу; 2) никогда не пользовались хорошими и законными средствами, но на ліонскомъ соборѣ выдумали греческихъ епископовъ; и на флорентинскомъ — ~~сначала~~ ~~сначала~~ доучали подарками, а потомъ устрасали угрозами и голодомъ; 3) дѣлали намъ жестока притѣсненія, — и здѣсь можно рассказать чрезвычайно многое, какимъ образомъ во времена Иннокентія, третьяго съ этимъ именемъ папы, галлы и венеціи захватили Константинополь, многихъ епископовъ, ученыхъ и сенаторовъ умертвили и послали въ ссылку, ~~если~~ ~~если~~ кто не соглашался съ ихъ заблужденіемъ; тоже самое потомъ сдѣлали около того же времени въ Фессалоникѣ, равно и на островѣ Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ, о чемъ всемъ смотри у Никифора Хоніата; далѣе можно рассказать, что сдѣлано ими послѣ собора флорентинскаго, что на нашей памяти и немного раньше, чѣмъ домогались и домогаются словами и поступками; ибо все это обнаруживаетъ большое упорство» и служить признакомъ ереси. «Защитнику папистовъ ничего не остается болѣе, развѣ только или не допустить сдѣланнаго нами опредѣленія ереси, или признать ложнымъ все то, что можно собрать противъ папистовъ изъ историческихъ свѣдѣтельствъ, а это кажется труднымъ, даже невозможнымъ».

3) Въ качественномъ положеніи судебного вопроса идетъ рѣчь не о томъ, существуетъ ли фактъ, но въ чемъ состоитъ этотъ фактъ, правиленъ ли онъ, справедливъ ли, честенъ ли, полезенъ ли, безвреденъ ли, и проч.? Этому положенію вопроса можетъ помогать предпочлительное положеніе его, но

болѣе всего помогаетъ ему совѣщательный (deliberativus) родъ краснорѣчія, вся сущность котораго состоитъ въ доводахъ такъ называемыхъ убѣждающихъ, заимствуемыхъ отъ честнаго и гнуснаго, полезнаго и вреднаго, удобнаго и неудобнаго, и проч. ¹⁾.

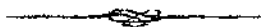
Эти правила о судебномъ родѣ краснорѣчія, подробнѣе другихъ развитыя Теофаномъ Прокоповичемъ, не оставались у него безъ употребленія и приложенія къ судебной практикѣ. Своимъ высокимъ въ послѣдующее время положеніемъ при дворѣ и въ русской іерархіи и своими церковно-реформаторскими стремленіями Теофанъ Прокоповичъ нажилъ себѣ безчисленное множество недоброжелателей и завистниковъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ старались очернить и уронить его во мнѣніи общества и высшихъ властей. Въ свою очередь Теофанъ Прокоповичъ не оставался у нихъ въ долгу и, когда былъ случай и возможность, старался всячески погубить ихъ судебнымъ порядкомъ. Извѣстны поднятыя имъ судебныя дѣла о Теофилактѣ Лопатинскомъ, Θεодосіѣ Яновскомъ, Георгіѣ Дашковѣ, Игнатіѣ Смолѣ, Варлаамѣ Ваватовичѣ и многихъ другихъ. Главнымъ средствомъ къ обвиненію и осужденію этихъ лицъ служили у Теофана Прокоповича сейчасъ изложенныя нами правила его о судебномъ родѣ краснорѣчія, заимствованныя имъ изъ реторики Цицерона ²⁾. Здѣсь разница между теоретическими правилами и судебной практикой Теофана Прокоповича заключается только въ томъ,

¹⁾ De arte rhetorica, кн. VI, гл. 1—4.

²⁾ Такъ напр. Варлааму Ваватовичу, по поводу несуженія имъ благодарственного молебна о вшествіи на престолъ Анны Іоанновны, предложены были слѣдующіе три запроса: «1) что и отъ кого вѣдая? 2) чего и какою себѣ пользы надѣялся? 3) на кого имъявно и для чего уповаа?» Труды кiev. дух. ак. 1861 г. Мартъ, стр. 308. А ли въпрямь относятся къ предположительному сложенію, которое Теоф. Прокоповичъ хотѣлъ утвердить въ этомъ случаѣ побудительною причиною.

что тогда какъ эти правила, приспособленные къ открытому и гласному судопроизводству, хотя и требовали отъ обвинителя предупреждать оправданія и настаивать на обвиненіи, но они, кромѣ судей и обвинителя, допускали еще и защитника или адвоката съ стороны обвиняемаго: Теофанъ Прокоповичъ приложилъ эти правила къ закрытому суду, гдѣ не было никакихъ адвокатовъ, въ качествѣ президента и главного судьи самъ принималъ на себя роль обвинителя, не давалъ мѣста защитнику обвиняемаго, и при этомъ пользовался преимущественно вопросами предположительнаго свойства. Поэтому не безъ основанія допросные пункты Теофана Прокоповича считаютъ «придирчивыми и запутывающими» ¹⁾.

Н. Петровъ.

¹⁾ См. Труды кiev. дух. акад. 1861 г. Мартъ: «Теофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вапаговичъ, Крыжановскаго, стр. 300.